

# Агрессия Японии на Дальнем Востоке и сражение при Халхин-Голе

Т. С. Бушуева, А. В. Серегин\*

*Япония... задается широкими  
великодержавными задачами...*

*А. Е. Снесарев*

## Предисловие

### Япония заставила считаться с собой как с новой мировой величиной

**В** год 70-летия начала Второй мировой войны на базе рассекреченных архивных документов целесообразно вновь обратиться к рассмотрению чрезвычайно сложной международной обстановки, сложившейся в мире к 1939 г.

Практически с захвата Японией Маньчжурии и до итало-абиссинской войны, то есть до 1935 г., мир переживал период окончательной ликвидации версальско-вашигтонской системы и иных прошлых мирных дипломатических установлений. А в 1936 г. И. В. Сталин уже открыто заявил о возникновении очага военной опасности на Дальнем Востоке.

Следует отметить, что для Дальнего Востока XX век, с самого его начала, был беспокойным. Для России он начался с русско-японской войны. Оценивая ее итоги, выдающийся русский геополитик, первый начальник Академии Генерального штаба

Андрей Евгеньевич Снесарев предупреждал соотечественников о том, что Портсмутский мир не знаменовал собой окончания борьбы, и русское общество напрасно успокоилось, ошибочно полагая, что Портсмутским договором и последующими за ним соглашениями положение дел на Дальнем Востоке закреплено в каких-то определенных, надежных для России рамках.

«Ничуть не бывало, — писал А. Е. Снесарев. — Сражений, правда, более нет, новая Цусима не потрясает ужасом наших сердец, и новый Порт-Артур не бьет своим падением по русской гордости, но вместо открытой войны ведется замаскированная, и движение желтых ратей происходит отнюдь не в меньшем масштабе, чем это было под Ляояном или Мукденом. Япония, победоносной войной 1904–1905 гг. укрепившая свою политическую и военную мощь, а во

\* Татьяна Семеновна Бушуева — кандидат исторических наук.

Александр Васильевич Серегин — кандидат культурологии, директор Дирекции информационно-издательских программ МГИМО (У) МИД РФ.

время мировой войны достигшая исключительной экономической и финансовой силы, является теперь той державой, которая задается широкими великодержавными задачами: она стремится не только к господству на Дальнем Востоке, но и к господству над всей Азией»<sup>1</sup>.

Война с Японией не была проиграна — она была не окончена. Но, как уже давно было подмечено, события в Азии всегда зреют в тиши. Развитие последующих событий XX в. свидетельствовало о том, что это была лишь временная передышка держав, лежащих у Великого океана, для последующего возобновления борьбы.

В 1910 г. Япония аннексировала Корею. Победы над Россией заставили считаться с Японией как с новой мировой величиной. Ограниченное участие Японии в Первой мировой войне на стороне Антанты принесло ей бывшие германские Тихоокеанские колонии: Маршалловы, Каролинские и Марианские острова, а также дало возможность выйти на «стартовую позицию» в континентальном Китае. Фактически с сентября 1931 г. по сентябрь 1945 г. японская императорская армия вела бесконечные бои на огромном пространстве от промерзлых просторов Северного Китая и Алеутских островов до тропических лесов Бирмы и Новой Гвинеи. Япония захватила огромные территории, и миллионы людей стали подданными японского императора. Основной целью этих военных побед был захват и удержание сырьевых ресурсов, которых не было на островах метрополии.

Однако крупным фактором при решении восточных вопросов, поистине физическим и духовным мостом между Европой и Азией всегда являлась Россия благодаря своей близости к Востоку, врожденной и веками вскормленной способности понимания его и умения подойти к нему. По оценке А. Е. Снесарева, «...Русский Восток есть первый буфер, смягчающий удар желтой волны о берега Белого моря; он является первой дверью, в которую будет стучать желтый властелин, прежде чем вступить тяжелой ногой на поле культуры. Это обстоятельство придает Русскому Востоку провиденциальное значение и делает из него тему не только лишь русского, но и общемирового значения... Конечно, среди „русских“, может быть, и теперь, как это было в недавнюю войну, найдутся такие „сыны отечества“, которые не на словах только, а на деле готовы будут отдать родные места чужестранцу... до Байкала...»<sup>2</sup>.

20 августа 1939 г. советские и монгольские войска, взаимодействовавшие с танками и авиацией и руководимые советским военачальником Г. К. Жуковым, перешли в контрнаступление, в ходе которого окружили части 6-й японской армии, расчленили их оборону на ряд изолированных очагов и затем ликвидировали. По масштабу и характеру это была крупнейшая для того времени операция современных армий, оснащенных новейшей военной техникой, операция, приведшая к поражению группировки

японских войск. На Халхин-Голе была фактически осуществлена сложнейшая операция по окружению противника. Разгром японских войск на Халхин-Голе подтвердил правильность существования в советской военной теории взглядов на ведение наступательных операций и, в частности, глубокой операции.

Уже 23 августа 1939 г. «по уполномочию правительства СССР» В. Молотов и «за правительство Германии» И. Риббентроп заключили в Москве советско-германский договор о ненападении. После его заключения И. В. Сталин сказал: «...к сожалению, не всегда вопросы мира и войны решаются народами». А бывший министр иностранных дел М. М. Литвинов говорил: «Не всякий пакт о ненападении имеет целью укрепление всеобщего мира». Как бы то ни было, споры о значении этого договора не утихают и сегодня...

Очевидно, что по прошествии 70 лет необходимо рассматривать события на Халхин-Голе как неразрывно связанные с общей политикой мировых держав, приведшей к развязыванию Второй мировой войны.

Выявленные в последнее десятилетие в архивах ранее неизвестные, подчас ключевые документы и свидетельства по предыстории и истории Второй мировой войны помогают раскрыть малоизвестные ее страницы. И какими бы мрачными они ни оказались, их нельзя перечеркнуть, тем более забыть. Делается это с единственной целью: научиться извлекать уроки, не скрывая противоречий, ошибок и преступлений, совершенных правящими кругами великих держав в XX столетии, а не просто конъюнктурно переписывать историю.

Значимость событий, произошедших на дальневосточных рубежах СССР и сопредельной Монголии 70 лет тому назад, очевидна и сегодня. В середине XX столетия на смену послевоенной геополитической структуре мира пришел новый период перманентной нестабильности, характеризующийся попытками пересмотреть сложившийся после Второй мировой войны порядок мироустройства.

В современной ситуации проявляются однополярность, навязывание воли отдельной группы индустриально развитых стран всем остальным государствам и народам, выдвигание на первые роли в глобальной политике теневых финансово-олигархических групп. Обострилась борьба между отдельными странами за обладание ресурсами, за достижение более высокого жизненного уровня своих граждан за счет других.

Формы этой борьбы различны, но ее жестокость и бескомпромиссный характер свидетельствуют об актуализации для каждого государства в отдельности вопросов обеспечения национальной безопасности, проблем выживания и развития в XXI столетии. В этой связи исторические уроки приобретают сегодня по-новому звучащее актуальное значение.

*...Стоит отказаться от ложных представлений о нашей неуязвимости, определяемой географическим положением страны, обширностью ее территории...*

А. А. Свечин

## Глава 1

# События в Азии всегда зреют в тиши

**Р**усский Дальний Восток, примыкающий к водам Тихого океана, как огромная политическая и экономическая величина с входившими в него восточноазиатскими областями: Забайкальской, Амурской, Приамурской, Камчатской и Сахалинской — с геополитической точки зрения сам являлся слагаемым более обширного понятия, называемого Дальним Востоком.

Следует сказать об особенностях геостратегического положения восточных советских военных округов в рассматриваемый отрезок времени, а также об их мобилизационных возможностях как в случае военных действий вообще, так и накануне халхингольских событий.

Геостратегическое положение советской военной системы на Дальнем Востоке определялось в первую очередь Тихим океаном, омывавшим с востока дальневосточный театр и образывавшим у его берегов Берингово, Охотское и Японское моря. Берингово море, как удаленное, в то время не имело ни экономического, ни военного значения, а высадка здесь военного десанта для советского командования представлялась маловероятной. В то же время на юго-восточной оконечности Камчатского полуострова имелась прекрасная гавань Петропавловск с незамерзающим и защищенным рейдом, со свободным выходом в Тихий океан. Однако он не был соединен железнодорожным путем с общей сетью государственных железных дорог (ближайшей железнодорожной станцией был Благовещенск в 4 тыс. км), а потому был изолирован и мог быть подвержен ударам со стороны Японии. Базой Дальневосточного флота оставался неудобный Владивосток, ограничивавший до крайности советские военные возможности. Для десанта противника мог служить ряд портов, находившихся на некотором удалении на юг от Владивостока: Посъет, Славянка, Стрелок, Восток, Кангауз.

Разведывательное управление Генерального штаба РККА 29 января 1938 г. сообщило наркомку обороны СССР Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову о том, «по словам английского консула в Харбине, располагающего якобы достоверными

данными, японцы в случае войны с СССР будут вести оборонительные действия на Забайкальском и Благовещенском направлениях, а активные операции развернут в Приморье от Дунин на Ворошилов с целью овладения Владивостоком»<sup>3</sup>.

В Охотском море, лишенном удобных гаваней, находился единственный порт — в Охотске, не имевший, однако, укрытых от ветра стоянок, что снижало его военную значимость. Наибольшую ширину, в 25 морских миль, имел лиман реки Амур. Порт в Николаевске был мало пригоден для стоянки судов, однако высадка десанта здесь была возможна (для контроля выхода из реки Амур и захвата советских рыбных богатств). Залив Де-Костри на материковой части являлся наиболее удобным местом высадки десанта противника на всем побережье Татарского пролива.

В целом для десантных операций крупного размаха побережье Приамурского края больших удобств не представляло, а потому японцы обратили внимание на бухту Огый на корейском берегу, куда и подвели железную дорогу.

Весь огромный Дальний Восток как театр военных действий (ТВД) мог быть разделен на два отдельных театра: Приамурский и Маньчжурский. Приамурский театр подразделялся на Забайкальский, Приамурский, Сахалинский и Камчатский районы. Главным районом будущих военных действий Приамурского театра становилась западная его часть, включавшая Забайкалье и Приамурье. Приамурье приобретало вспомогательное значение, Камчатский и Сахалинский районы имели второстепенное значение. В стратегическом отношении Приамурский театр имел преимущества охватывающего положения по отношению к Маньчжурии. Маньчжурский театр мог быть разделен на Северо-маньчжурский, Северо-корейский и Восточно-монгольский районы.

Советское руководство намечало два района для развертывания своих вооруженных сил: Приморье — в своей южной Уссурийской части — для удара по глубокому тылу неприятеля, оперировавшего в Маньчжурии, и для действий против десантов, если таковые высадятся на побережье северной части Кореи;

и Приамурье и Забайкалье — для развертывания главных сил Дальневосточной армии. В этом смысле особенно уязвимой являлась Забайкальская железная дорога, осуществлявшая единственную связь с тылом. При сравнении Приамурского и Маньчжурского ТВД видно, что первый имел выгоды стратегического характера, охватывая с трех сторон Маньчжурский, что позволяло вести наступательные операции в концентрических направлениях одновременно из Забайкалья, Приамурья и Приморья, имея целью овладеть Средне-Сунгарийской равниной, и в частности городом Харбин, как важным транспортным узлом. Противник Красной Армии, имея в регионе сильные коммерческий и военный флоты, а также достаточное количество десантных пунктов и подготовленную сеть железных дорог, обладал всем необходимым для сосредоточения сильной армии в Северо-Маньчжурском районе, откуда мог предпринять наступление в любом направлении в Забайкалье, Приамурье, Приморье, причем направление главного удара на Забайкалье и западную часть Приамурья поставило бы Красную Армию в критическое положение, так как отрезало бы ее от ближайшей базы — Сибири.

Советское руководство понимало, что без овладения Северной Маньчжурией или по крайней мере без ее нейтралитета положение на Дальнем Востоке не могло считаться стабильным. Но обстановка в рассматриваемый период складывалась не в пользу СССР. Япония же энергично закрепляла свое положение в Северной Маньчжурии, готовясь к захвату Дальнего Востока. Однако советское руководство оказалось не в состоянии предотвратить надвигавшуюся опасность, хотя прекрасно понимало, что главной угрозой на Дальнем Востоке становится Япония, что эта угроза постоянно растет, и что на советскую территорию вновь могут позариться недавние недруги России.

О противостоявших советской военно-окруженной системе на Дальнем Востоке силах противника в начале 1930-х гг. начальник Разведывательного управления штаба РККА Я. К. Берзин сообщал наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову. Он отмечал, что против Забайкалья, на Благовещенском направлении, против Приморья, в Южной Маньчжурии, Жэхэ и Корее японцы сосредоточили 14 пехотных бригад, 2 кавалерийские бригады общей численностью 98 тыс. человек<sup>4</sup>.

С точки зрения советской дальневосточной геополитики огромное значение имела лежащая к западу от Маньчжурии пустынная страна — Хали или Внешняя Монголия, с территорией 1 млн 200 тыс. кв. км, населением (по переписи 1918 г.) 650 тыс. человек (в том числе 90 тыс. китайцев, 5 тыс. русских), с плотностью населения 1 человек на 21,5 кв. км<sup>5</sup>.

Советское руководство рассматривало Монголию, так же как и Маньчжурию, в качестве плацдарма для распространения своего влияния на Китай. Начальник штаба Квантунской армии генерал Сэйси-

ро Итагаки высказывал мысль о том, что Монголия «...является флангом обороны Сибирской железной дороги, соединяющей советские территории на Дальнем Востоке и в Европе. Если Внешняя Монголия (МНР. — *Авт.*) будет объединена с Японией и Манчжоу-Го<sup>6</sup>, то советские территории на Дальнем Востоке окажутся в очень тяжелом положении, и можно будет уничтожить влияние Советского Союза на Дальнем Востоке без военных действий. Поэтому целью армии должно быть распространение япономаньчжурского господства на Внешнюю Монголию любыми средствами, имеющимися в распоряжении»<sup>7</sup>.

В 1935 г. официальный орган советской печати газета «Правда» поместила информацию о произнесенной японским министром иностранных дел речи, в которой высказывалась мысль о необходимости того, чтобы СССР «ослабил оборону своих границ на Дальнем Востоке». По его мнению, все, что делается советской стороной, предназначено не для обороны границ Дальнего Востока, а «для нападения СССР на Японию»<sup>8</sup>.

Для России всегда был характерен активный тип геополитического поведения. В XX столетии перед советской Россией, ее высшим руководством встал вопрос, к какой стороне на Дальнем Востоке примкнуть: японской, китайской, английской или американской? Как использовать в своих интересах нарождающиеся противоречия между Японией и Америкой, как создать общий блок народов, живущих и борющихся у вод Великого океана.

Выступая на XVII съезде ВКП(б) (1934 г.), командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией Маршал Советского Союза В. К. Блюхер с пафосом заявил: «У нас нет намерения напасть на Японию... Если грянут боевые события на Дальнем Востоке, то Особая Дальневосточная Красная армия, от красноармейца до командарма, как беззаветно преданные солдаты революции под непосредственным руководством любимого вождя рабоче-крестьянской Красной Армии и флота товарища Ворошилова, Центрального комитета партии, великого вождя нашей партии товарища Сталина ответит таким ударом, от которого затрещат, а кое-где и рухнут устои капитализма»<sup>9</sup>.

М. Н. Тухачевский в своей «Записке о методах борьбы с японским морским флотом в Японском море» рекомендовал: «Практически на ближайшие годы для борьбы с наступающим японским флотом нам придется применять воздушный и подводный флот, а также торпедные катера. Эти средства достаточны для того, чтобы при соответствующей организационной и технической подготовке уничтожить те морские силы, которые Япония сможет выделить против СССР, не ослабляя себя для борьбы в Тихом океане»<sup>10</sup>.

Японская разведка в 1930-х гг. обращала внимание своего генерального штаба на факты чрезмерного, по ее мнению, увеличения советских войск на Дальнем Востоке. Японский генеральный штаб выражал

обеспокоенность тем, что «армия Блюхера огромной дугой выгнулась на Дальний Восток». Японские военные деятели заявляли о том, что на Дальнем Востоке развернуты огромные силы Красной Армии, созданы подземные аэродромы, с которых советская авиация сможет долететь до Японии и бомбить Токио и Нагасаки. В то же время советская сторона утверждала, что туполевские самолеты с теоретическим радиусом полета 2500 км даже в самых лучших метеорологических условиях были бы не в состоянии сделать налет вглубь Японии, а результаты их нападения ограничились бы лишь разрушениями и пожарами в полосе, прилегающей к восточному берегу Японии, к тому же советские авиационные базы и аэродромы неминуемо были бы расположены в непосредственной близости от железной дороги.

По данным разведывательного управления штаба РККА, в докладе германского военного атташе в Японии полковника Ота сообщалось в Берлин, что военный министр Японии Араки, вернувший свое прежнее политическое влияние, считает, что война против СССР остается единственным путем для Японии, а что касается боеспособности Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА), по его мнению, «...она может действовать самостоятельно в течение 6–9 месяцев, используя созданные запасы»<sup>11</sup>.

Еще в конце 1920-х гг. русский военный теоретик Александр Андреевич Свечин предупреждал, что стоит отказаться от ложных представлений о нашей неуязвимости, определяемой географическим положением страны, обширностью ее территории. В свою очередь его оппонент, Маршал Советского Союза Михаил Николаевич Тухачевский, не отрицая важности геополитического фактора, настаивал на необходимости соблюдения принципа особой классовой стратегии, выражавшейся в том, что некоторые операционные направления, безусловно выгоднейшие в войне нормальной, оказываются худшими при войне классовой. Наилучшими направлениями, по мнению Тухачевского, признаются те, на которых наступающие или обороняющиеся части встретят мощную коммунистическую прослойку среди населения. По его мнению, те государства, которые допускают у себя развитие коммунистических партий, могут быть рассматриваемы как более пригодные для операций не только политического, но и чисто военного характера.

Советское политическое и военное руководство понимало, что дело обороны советского дальнего Востока требовало от созданной здесь советской военно-окружной системы решения масштабных, дорогостоящих и многосторонних задач, осуществление которых скрыть от противника довольно сложно.

17 мая 1935 г. по приказу наркома обороны Союза ССР был впервые образован (на основе самой ОКДВА) дальневосточный военный округ (ДВО). Управление было сформировано на базе Особой

Краснознаменной дальневосточной армии и дислоцировалось в Хабаровске. 2 июня 1935 г. ДВО снова переименовали в ОКДВА с сохранением за ней функций округа. 1 июля 1938 г. в связи с усилившейся угрозой военного нападения Японии ОКДВА была развернута в Краснознаменный дальневосточный фронт. Командующим фронтом назначался Маршал Советского Союза В. К. Блюхер, членом Военного совета — дивизионный комиссар П. И. Мазепов, начальником штаба — комкор Г. М. Штерн.

При геостратегической и геополитической территориальной «нарезке» дальневосточного и Забайкальского военных округов советское руководство учитывало в первую очередь особенности границ страны, состояние вооруженных сил сопредельных государств, и особенно тех, которые рассматривались в качестве вероятного противника, а также состояние железнодорожной сети. Граница восточных округов охватывала территорию от Чукотского полуострова до бухты Посыет по берегу Тихого океана, к которому примыкали возможные в будущем дальневосточные театры военных действий. Именно здесь активизировался новый район мирового соперничества, где сталкивались интересы СССР, Японии, Англии и США. Каждое из этих государств нацеливалось получить в самоличное пользование китайские рынки и морские пути, ведущие в Китай, а также опорные пункты и порты в Тихом океане.

Для СССР Дальний Восток в геополитическом отношении имел огромное значение: он представлял собой фонд, включающий в себя громадные, еще нетронутые богатства, которые сулили СССР широкие экономические возможности; позволял разместить на своей территории массу населения; он соприкасался с открытым и теплым морем, дававшим возможность общения со всеми странами Тихоокеанского побережья.

Среди противников СССР особенно опасной представлялась Япония, так как не располагала собственным сырьем и всегда смотрела на Дальний Восток как на свою продовольственную базу. Вдоль сухопутных границ в целях их защиты в восточных военных округах создавались укрепленные районы, устанавливались береговая артиллерия и пулеметные огневые точки на речных и морских рубежах, велось строительство складов, аэродромов и дорог в пограничной полосе. Однако увеличение численности воинских частей было только одним из направлений деятельности по усилению боеспособности дальневосточных войск, выполнявших роль стратегического авангарда на Дальнем Востоке.

Оборона Дальнего Востока требовала усиления оборонительного потенциала края, во-первых, для того, чтобы дальневосточные части, в случае нападения подавляющих сил неприятеля, смогли, используя фортификационные сооружения, удержать занимаемую полосу обороны до прибытия резервов из глубины страны, а во-вторых, необходимо было

как можно скорее удвоить сибирскую колею для своевременной переброски войск из сердца России на ее восточную окраину.

Важнейшей задачей всегда оставалась необходимость обращать внимание на подбор дальневосточных командных кадров для частей и соединений, дислоцированных на Дальнем Востоке.

Для укрепления дальневосточных границ СССР огромное значение имели общий подъем экономики Дальнего Востока и его заселение в годы первых пятилеток, а также создание Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота. Однако из-за большой протяженности дальневосточной границы многие ее участки не были оборудованы достаточными для обороны средствами. Особенно это относилось к горно-таежным и морским границам Дальнего Востока, протянувшимся на многие сотни километров. А потому, развязывая вооруженные конфликты против СССР, японцы учитывали особенности местности; так произошло у озера Хасан, где они воспользовались крайне неблагоприятными особенностями приграничного района для сосредоточения и развертывания советских войск.

Как известно, основными задачами военных округов являются призыв граждан на военную службу в мирное время и мобилизация в случае возможных военных действий. Однако события у озера Хасан уже вскрыли существенные недостатки в мобилизационной готовности войск 1-й Дальневосточной (Приморской) армии, в работе штабов частей и соединений, а также серьезные недоработки в боевой подготовке личного состава. Поэтому нарком обороны К. Е. Ворошилов с полным основанием мог констатировать после событий на Хасане: «...мы оказались недостаточно... молниеносны и четки в тактике и особенно в применении соединенных сил и нанесении концентрированного удара»<sup>12</sup>.

В конце ноября 1938 г. Главный военный совет при народном комиссаре обороны принял развернутое решение, направленное на повышение боевой и мобилизационной готовности войск Дальнего Востока и усиление охраны границ. Вместе с тем советское правительство после событий у озера Хасан, официально выказывая желание нормализовать отношения с Японией, упразднило фронтовое управление на Дальнем Востоке, оставив две отдельные армии и одну северную армейскую группу, непосредственно подчиняющуюся наркому обороны. Однако провокационный характер нараставших событий на Дальнем Востоке вынудил СССР в первой половине 1939 г. увеличить численность Вооруженных сил на 345 тыс. вместо 57 тыс., предусмотренных пятилетним планом военного строительства. Тем не менее 21 августа 1938 г. заместитель наркома внутренних дел М. П. Фриновский сообщал К. Е. Ворошилову: «Состояние, в котором сейчас находится Дальневосточный фронт, не дает сколько-нибудь относительных гарантий того, что

он будет способен выполнить задачи войны на Дальнем Востоке. Требуется принятие самых энергичных и решительных мер для приведении фронта в боеспособное состояние»<sup>13</sup>.

31 августа 1938 г. Главный военный совет принял решение упразднить фронтовое управление на Дальнем Востоке, а его командующего В. К. Блюхера отозвать в распоряжение Главного военного совета РККА. С 1 сентября 1938 г. Блюхер был освобожден от работы на Дальнем Востоке. 17 декабря 1938 г. в своем послании К. Е. Ворошилову Чан Кайши интересовался, где в данное время находится В. К. Блюхер, и выяснял возможность его приезда в Китай. По мнению Чан Кайши, приезд Блюхера равнялся бы «присылке сотысячной армии»<sup>14</sup>.

5 июля 1939 г. Главный военный совет РККА принял решение об образовании в Чите нового органа стратегического руководства Вооруженными силами, подчинив ему все войска, дислоцированные в то время на Дальнем Востоке. В соответствии с этим народный комиссар обороны издал приказ о создании фронтовой группы войск во главе с командующим — командармом 2 ранга Г. М. Штерном (член военного совета дивизионный комиссар Н. И. Бирюков, начальник штаба комдив М. А. Кузнецов). На военный совет и штаб созданной группы возлагались задачи по объединению и направлению действий советских войск на Дальнем Востоке, руководству их оперативной деятельностью, специальному и тыловому обеспечению как в мирное, так и в военное время. Командующий фронтовой группой подчинялся непосредственно народному комиссару обороны СССР.

Реорганизация органов управления на Дальневосточном ТВД завершилась в середине июля 1939 г. преобразованием 57-го особого корпуса, находившегося в Монгольской Народной Республике, в 1-ю армейскую группу под командованием комдива (с 31 июля — комкора) Г. К. Жукова, которая непосредственно подчинялась командующему фронтовой группой войск на Дальнем Востоке.

Проведенная реорганизация органов управления советскими войсками на Дальнем Востоке способствовала впоследствии успешному разгрому японских войск в районе Халхин-Гола и пресечению агрессивных устремлений Японии против СССР и МНР. Вновь созданные управления фронтовой и армейской групп войск продолжали функционировать еще почти год после окончания военных действий<sup>15</sup>.

В период 1934–1939 гг. танковый парк на Дальнем Востоке увеличился почти вдвое, а количество бронемашин возросло в восемь раз. На вооружение поступали новые и модернизированные артиллерийские орудия. В 1939 г. соединения и части Дальнего Востока были целиком переведены на кадровую систему комплектования. Таким образом, к лету 1939 г. в состав советских войск на Дальнем Востоке входили: 1-я отдельная Краснознаменная армия под командованием командарма 2 ранга Г. М. Штерна,

2-я отдельная Краснознаменная армия комкора И. С. Конева, Забайкальский военный округ (командующий комкор Ф. Н. Ремизов). В беседе с И. В. Сталиным по итогам халхингольских событий Г. К. Жуков особенно отметил войска, подготовленные Забайкальским военным округом. Он докладывал Сталину: «Наши кадровые войска дрались хорошо. Особенно хорошо дрались 36-я мотодивизия под командованием Петрова и 57-я стрелковая дивизия под командованием Галанина, прибывшая из Забайкалья». По мнению Г. К. Жукова, в преодолении трудностей материально-технического снабжения войск также большую помощь оказал Забайкальский военный округ. Жуков отметил и удачную работу военного совета Забайкальского военного округа, в частности Г. М. Штерна<sup>16</sup>.

Эти объединения подчинились непосредственно наркому обороны СССР. В оперативном подчинении 1-й отдельной Краснознаменной армии находился Тихоокеанский флот, 2-й отдельной Краснознаменной армии — Краснознаменная Амурская флотилия, а Забайкальского военного округа — 57-й особый корпус, дислоцировавшийся на территории Монгольской Народной Республики.

Из авиационных частей и соединений было создано новое оперативное объединение — 2-я воздушная армия. В стрелковые и кавалерийские соединения включались танковые батальоны и механизированные полки. Территориальные дивизии переводились на кадровое положение.

Уже упоминавшийся военный теоретик А. А. Свечин высказывал мысль о том, что для России, всегда отстававшей от своих врагов в «разворотливости», наиболее подходящим видом военных действий с началом войны будет стратегическая оборона. Вместе с тем советское политическое и военное руководство понимало, что отныне, какой бы из двух способов действий — стратегическое наступление или стратегическая оборона — ни был бы выбран, необходимо, чтобы развертывание вооруженных сил производилось в полной безопасности, то есть не подвергаясь решительной атаке со стороны противника ранее окончания мобилизации и полного развертывания.

Но, как говорил Отто фон Бисмарк, государство, прекратившее наступление, начинает отступать. На 3-й сессии Верховного Совета СССР в мае 1939 г. советское правительство официально заявило, что границу Монгольской Народной Республики «мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную»<sup>17</sup>. Приказом НКО СССР от 4 сентября 1938 г. Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская флотилия, как уже говорилось, были оперативно подчинены командующим отдельными армиями<sup>18</sup>.

В оправдание своих действий в отношении МНР японские власти утверждали, что границей между МНР и Маньчжурией в районе восточнее и юго-восточнее озера Буир-Нур служит река Халхин-Гол.

В действительности же по официальным картам граница МНР с Маньчжурией проходила в этом районе восточнее Халхин-Гола по линии Хулат-Улайн-Обо, Номон-Хан-Бурд-Обо. На этой линии [24] со дня образования МНР постоянно находились посты пограничной охраны МНР. До начала событий эта граница МНР с Маньчжурией, проходящая восточнее Халхин-Гола, никем, в том числе и маньчжурской стороной, не оспаривалась.

В соответствии с соглашением в МНР были направлены части Красной Армии, из которых был сформирован 57-й особый корпус. Советская сторона принимала действенные меры по защите дальневосточных рубежей СССР и союзной МНР. В частности, было решено увеличить численность советских войск на Дальнем Востоке, укреплялись границы, завершалось строительство многих оборонительных районов на наиболее угрожаемых направлениях. Наряду с этими важными оборонными мероприятиями значительная работа проводилась по дальнейшему развитию экономики в районах Дальнего Востока. От Забайкалья до берегов Тихого океана развернулось строительство заводов, создавались военные городки. Усилиями молодежи, приехавшей со всех концов страны, вырос новый промышленный центр дальнего Востока — Комсомольск-на-Амуре. На постоянное местожительство в различные области дальнего Востока выехало большое количество демобилизованных воинов.

Планируя агрессивные действия, японское командование избрало объектом нападения восточный выступ в районе реки Халхин-Гол. Овладение этим районом дало бы японцам ряд преимуществ. Река Халхин-Гол — шириной 100–130 м и глубиной 2–3 м — имеет крутые спуски, некоторые участки заболочены и труднопроходимы для боевой техники. В нескольких километрах к востоку от реки протянулась гряда господствовавших высот. Наряду с этим в долине реки было много песчаных котлованов; здесь же в Халхин-Гол впадала река Хайластын-Гол, разрезавшая на две части район предстоящих боевых действий, что было невыгодно для советско-монгольских войск<sup>19</sup>. С маньчжурской стороны к этому району близко подходили две железные дороги, ближайшая же железнодорожная станция для снабжения советских и монгольских войск находилась на расстоянии 650 км. Степной и безлюдный район восточнее реки Халхин-Гол охранялся лишь отдельными пограничными дозорами, заставы находились в 20–30 км от госграницы.

Японская сторона на своих топографических картах обозначила границу Манчжоу-Го (марионетное государство, созданное Японией в 1932 г. на территории Северо-Восточного Китая) по реке Халхин-Гол, которая фактически проходила восточнее. По их мнению, это должно было создать «правовую основу» для нападения. Наиболее серьезный инцидент произошел уже 11 мая 1939 г. На другой день

японцы ввели в бой пехотный полк, поддержанный авиацией, и, отгеснив пограничные заставы монгольской народной армии (монгольская Народно-революционная армия), вышли к реке Халхин-Гол. Так начались боевые действия, длившиеся более четырех месяцев.

В мае 1940 г. И. В. Сталин вызвал к себе Г. К. Жукова, уже назначенного на должность командующего Киевского особого военного округа, и присутствовавший в его кабинете член Политбюро М. И. Калинин задал Г. К. Жукову вопрос: «Какую основную цель, по вашему мнению, преследовало японское правительство, организуя вторжение?» Г. К. Жуков ответил: «Ближайшая цель — захватить территорию МНР, находящуюся за рекой Халхин-Гол, а затем построить на реке Халхин-Гол укрепленный рубеж, чтобы прикрыть проектируемую к постройке вторую железную дорогу стратегического назначения, которая должна пройти к границе нашего Забайкалья западнее КВЖД».

В январе 1939 г. советская военная разведка передала в центр сообщение, в котором приводилось высказывание о России одного из высокопоставленных немецких полковников — Гиммера: «Знаете ли, об Россию кроме нас (немцев) многие обломали себе зубы. Однако я знаю, что планами похода на Советский Союз полны головы многих... Но Россия лежит далеко, и дорога туда не путь для прогулок, она ведет в даль, которая кажется мне более чем фантастической»<sup>20</sup>.

1 марта 1936 г. в беседе с И. В. Сталиным председатель американского газетного объединения «Скрипс-Говард Ньюспейперс» г-н Рой Говард спросил: «Какова будет позиция Советского Союза в случае, если Япония решится на серьезное нападение против Монгольской Народной Республики?» На что Сталин ответил: «В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике». Далее Говард спрашивает: «Если вспыхнет война, то в какой части она может развиваться раньше? Где грозные тучи войны больше всего сгустились — на Востоке или на Западе?» Сталин ответил: «Имеются, по-моему, два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии. Я имею в виду неоднократные заявления японских военных с угрозами в адрес других государств. Второй очаг находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют»<sup>21</sup>.

В конце 1930-х гг. и на Западе, и на Востоке уже запахло порохом. В этих условиях на приграничные военные округа возлагалась особая задача быть готовым к немедленным действиям. Дело шло к новой мировой войне. Вскоре ее пламя перекинулось на Восток, что свидетельствовало о стремительном вовлечении этого региона в новый мировой конфликт.

С начала 1939 г. основное внимание И. В. Сталина было обращено на внешнеполитические проблемы. На XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. он заявил, что СССР не даст себя одурачить и не собирается «таскать каштаны из огня для поджигателей войны». Однако мир к этому времени был уже подожжен с многих сторон. Италия напала на Абиссинию и Албанию, была осуществлена широкая германо-итальянская интервенция против республиканской Испании, Германия захватила Австрию, аннексировала Чехию и фактически Словакию.

Продолжала завоевательные действия в Китае Япония. Она оказалась сильной не только в военном отношении, но и в дипломатии, в своей осведомленности и расчетливости своих шагов на международном уровне. Сильные стороны японской внешней политики, по мнению знатока Востока А. Е. Снесарева, «...это новый и очень крупный фактор в ее могуществе; в дальневосточной обстановке он не должен быть забыт ни на одну минуту, ибо с ним России, да и другим государствам рано или поздно придется считаться... Война показала нам, что эта страна храбра, решительна до отчаяния и не останавливается ни перед какими нравственными препонами, которые в глазах народов Европы сохраняют и поныне свою вековую ценность... Военная сила нашей желтой соседки — факт неоспоримый, и если его не нужно преувеличивать до степени паники, то разумно учитывать его и необходимо, и своевременно»<sup>22</sup>.

15 января 1939 г. нарком обороны К. Е. Ворошилов заявил во время беседы с французским военным атташе полковником Паласом: «Никаких осей мы не боимся и всегда готовы встретить врага»<sup>23</sup>.

Еще 15 февраля 1938 г. в докладе советского военного атташе в Китае комбрига Иванова, направленном Ворошилову, подчеркивалось: «Надежды (киташтаба) на изменение международной обстановки также не оправдались. Не только китайцы, но и американцы, и англичане ждут выступления Советского Союза против Японии. Некоторые высказывались, что СССР потеряет удобный момент, если не выступит немедленно, когда Япония послала половину своей армии в Китай. Все хотели бы видеть Японию разбитой, но чужими руками, чужой кровью».

А 23 января 1939 г. он же совершенно секретно сообщал в Москву «Хозяину» о том, что «Чан Кайши надеется на то, что крах японской агрессии вызовут или внутренний кризис в стране, землетрясения, тайфуны, эпидемии в японской армии, или возможность войны Японии с Советским Союзом»<sup>24</sup>.

20 марта 1939 г. Л. П. Берия сообщил К. Е. Ворошилову, что в соответствии с информацией от резидента из Японии, «если между СССР и Японией не будет достигнуто положительных результатов по рыболовному вопросу, то японцы, вероятно, оккупируют советскую часть острова Сахалин»<sup>25</sup>.

27 марта 1939 г. в ходе беседы заместителя наркома В. П. Потемкина с министром внешней торговли Великобритании Р. Хадсоном последний высказал мысль о том, что в случае вооруженного конфликта «Англия и Франция смогут справиться с Германией без поддержки США. Другое дело — Дальний Восток. Там против Японии необходимо действовать совместно Советскому Союзу и США... Германия едва ли решится броситься на СССР. Между тем Япония лихорадочно готовится к войне с Советским Союзом, которая представляется Хадсону неизбежной... Ни Англия, ни Франция ... не могут активно противодействовать Японии на Дальнем Востоке...».

В мае 1939 г. был смещен руководитель НКВД М. М. Литвинов, приверженец мифической идеи о «системе коллективной безопасности». На его место был назначен В. М. Молотов, взявший иной внешнеполитический курс. 8 мая 1939 г. во время встречи В. М. Молотова и английского посла Сидса последний задал ему вопрос: «Означает ли уход т. Литвинова с поста НКВД какое-либо изменение во внешней политике Советского Союза?» Молотов ответил, что «позиция Советского правительства остается без изменений, поскольку не произойдет каких-либо изменений в международной обстановке и позиции других держав». В свою очередь Молотов спросил Сидса о готовности к заключению военного соглашения с СССР. Тот уклонился от ответа<sup>26</sup>.

Весь 1939 г. прошел под флагом секретной дипломатической игры, уточнения позиций, выяснения дальнейших намерений различных сторон будущих участников грядущих конфликтов.

16 мая 1939 г. США начали переговоры с Японией в Токио. В ходе них министр иностранных дел Японии Арита Хатири и посол США Грю поставили вопросы об улучшении японо-американских отношений в новой ситуации<sup>27</sup>. А через день, 18 мая, в беседе принял участие премьер-министр Японии Хиранума Киихиро, высказавший мнение, поддержанное его американским собеседником, что возможно самое тесное сотрудничество между США и Японией, основанное на совместных поисках путей к разрешению противоречий в Европе<sup>28</sup>.

В июне–июле 1939 г. японо-американские переговоры были продолжены в Вашингтоне между японским послом в США Хориноуци Кенсукэ и государственным секретарем Корделлом Хэллом. Посол стремился доказать Хэллу, что все военные усилия японского правительства направлены против СССР. 10 июля государственный секретарь ответил, что он разделяет эту точку зрения. В следующей беседе, спустя 10 дней, он заявил, что США также выступают против усиления СССР, как и многие другие страны<sup>29</sup>.

Английское правительство тоже поощряло агрессивные устремления Японии, направленные против СССР и МНР. Ведя переговоры с СССР

о заключении пакта о взаимопомощи против агрессии в Европе, правительство Англии в то же время предприняло переговоры в Токио с МИД Японии о «дальневосточном Мюнхене». Переговоры завершились 23 июля 1939 г. соглашением, подписанным английским послом в Токио и японским МИД (соглашение «Крейги-Арита»). Английское правительство признало японские захваты в Китае и обязалось не помогать ему в войне с Японией. В тексте говорилось: «Японская армия в Китае особо нуждается в обеспечении своей безопасности и в сохранении общественного порядка в оккупированных ею районах»<sup>30</sup>.

30 июля 1939 г., в разгар событий на Халхин-Голе, Чан Кайши достаточно решительно требовал от К. Е. Ворошилова: «Наша страна крайне нуждается в пополнении необходимым вооружением. Все вооружения, которые Вами обещаны Китаю, по слухам, до сих пор еще не отправлены. Если указанные вооружения не придут вовремя в Китай, то в случае возникновения европейской войны транспортирование их еще более будет затруднено и нашим — плану пополнения армии вооружениями и плану контрнаступления будет нанесен крайне чувствительный удар»<sup>31</sup>.

Но еще до этого, 27 апреля 1939 г., китайский маршал Ян-Цзе, находившийся в СССР, упрекал советскую сторону: «Отсутствие поставок из Советского Союза самолетов с ноября прошлого года создало в Китае чрезвычайно напряженное положение...». Ян-Цзе подчеркивал, что эти факты дают почву для разговоров о том, что «Советский Союз не хочет помогать Китаю... Советский Союз не дает самолетов... Осложнения в Европе заставили его (СССР) мобилизовать свою армию, и ему сейчас не до Китая...»<sup>32</sup>. [29]

16 августа того же года в совершенно секретной беседе К. Е. Ворошилова и маршала Ян-Цзе последний сказал: «Чан Кайши считает, что Красная Армия самая лучшая армия, у которой можно поучиться многому, и поэтому просит Вашего разрешения присутствовать на маневрах РККА в 1939 г. китайским офицерам в количестве 8–10 человек». На это Ворошилов ответил: «Предстоящие маневры РККА в 1939 г. будут носить особый характер. Исходя из особого характера маневров, мы решили на маневры 1939 г. никого из представителей армий других стран на эти маневры не приглашать»<sup>33</sup>.

Председатель законодательного Юаня Китая г-н Сунь-Фо 8 апреля 1939 г. в Москве высказал мысль о том, что «всякому понятно, что война на Дальнем Востоке угрожает общему миру. Поэтому противодействие японскому агрессору коллективными усилиями явилось бы вернейшим средством предотвратить мировую войну»<sup>34</sup>.

Однако этого достичь не удалось: вспыхнул ожесточенный вооруженный конфликт на реке Халхин-Гол, вошедший в историю как «необъявленная война»...

*Военная сила нашей желтой соседки — факт неоспоримый, и если его не нужно преувеличивать до степени паники, то разумно учитывать его и необходимо, и своевременно*

А. Е. Снесарев

## Глава 2

# Япония на пути к большой войне

**В** 1929 г. военный историк К. К. Звонарев подчеркивал, что в ходе русско-японской войны «русская армия не знала Японии, не знала и ее армии. Больше того, она имела о ней совершенно ложное, извращенное представление...»<sup>35</sup>. А. Е. Снесарев, в свою очередь, отмечал, что в Японии происходит «непрерывная упорная подготовка всей нации, словно Страна восходящего солнца готовится воевать со всем миром»<sup>36</sup>.

Что же представляла собой японская армия, с которой пришлось столкнуться Красной Армии в вооруженном противоборстве спустя 34 года после русско-японской войны, теперь уже накануне Второй мировой войны? Японская императорская армия имела хорошо обученные и вооруженные воинские части, укомплектованные людьми, чьи предки жили в стране, всего менее столетия тому назад вышедшей из средневековой изоляции, в которой она пребывала несколько веков. Все противоречия японского общества, как в зеркале, отражались в императорской армии, активно впитывавшей все новшества военных технологий, но упорно цеплявшейся за уклад средневекового феодального общества. Неприхотливость, агрессивная тактика, фанатичный характер и несокрушимая дисциплинированность японского солдата вели эту армию от победы к победе в ходе войны 1930-х гг. в Китае и в последующих сражениях против американских, британских и голландских войск в Азии и на Тихом океане (в 1941–1942 гг.).

Япония оставалась авторитарным государством, в массах царил культ поклонения императору: считалось, что японские монархи были потомками богини солнца Аматерасу, и их власть безоговорочно почиталась. Гражданское общество всеми средствами поощрялось к сплочению вокруг национальных интересов, которые определяло правительство. В силу глубоко укоренившихся культурных традиций большинство японцев безропотно принимало эту систему; небольшой слой тех, кто противился ей (например, немногочисленные коммунисты и вольнодумствующие интеллигенты) были быстро выявлены и арестованы. Это послушное и вместе с тем патриотически настро-

енное общество было благодатным материалом для формирования дисциплинированной регулярной армии. В случае гибели солдата, призванного на военную службу, его имя заносилось в списки токийского храма Ясукуни, где поминались все японцы, павшие в битвах. Культ подчинения вышестоящим и служения нации любой ценой — так называемый Ямато дамаши («японский дух») — капля за каплей вливался в кровь японского солдата.

«Гиокусай» («яшма вдребезги») — акт самопожертвования на поле боя считался для японцев идеалом. Крайним его выражением стала идея введения смерти в бою в добродетель, более важную, чем сохранение жизни. Одним из последствий этого культа самопожертвования явилось двусмысленное отношение армии к собственным потерям. Если принять во внимание, как мало ценили японские солдаты собственные жизни, несложно будет понять, что жизни своих противников они ценили еще меньше.

«...Главный враг, против которого надо бороться, — это фашистская военщина. Военщина — крайне реакционная и оголтело империалистическая часть монархического аппарата власти... Военщина подчиняет всю жизнь страны делу подготовки новой захватнической большой войны... своей „небесной миссией“ она считает войну, прежде всего грабительскую войну против Советского Союза, а затем и за владычество над миром. Ради этого она не остановится даже перед превращением Японии в пепелище...», — так разъясняли японским коммунистам решения VII конгресса Коминтерна их представители в Москве Окано (Сакдзо Носака) и Танака (Кэндзо Ямамото). Альтернатива предлагалась «по-коммунистически»: «Только мощное народное движение на основе единства действий пролетариата и единого народного антифашистского фронта может спасти японский народ от ужасов фашизма и войны». А в секретной резолюции секретариата ИККИ по японскому вопросу от 8 марта 1936 г. (Москва) констатировалось, что «рабочий класс Японии стремится к пролетарской, социалистической революции»<sup>37</sup>.

В сентябре 1938 г. армия Японии насчитывала 34 дивизии. Пехотные дивизии японской императорской армии делились на три основные категории: типа «А» — «усиленная», типа «В» — «стандартная» и типа «С» — «специальная».

За основу была принята «стандартная» пехотная дивизия. В ее составе было 20 тыс. человек (три пехотных полка по 3845 человек в каждом, один полевой артиллерийский полк — 2480 человек, один разведывательный полк — 730 человек, один инженерный полк — 900 человек, один транспортный полк — 2840 человек), 7500 лошадей. На вооружении имелось: 9 тыс. винтовок, 382 ручных и 112 станковых пулеметов, 340 — 55-миллиметровых минометов (гранатометов), 22 — 37-миллиметровых противотанковых пушки, 18 — 70-миллиметровых батальонных орудий, 12 — 75-миллиметровых — полковых орудий, 36 — 75-миллиметровых полевых горных орудий, 7 бронемашин или танкеток.

Каждый пехотный полк располагал 710 тягловыми или вьючными лошадьми, полевой артиллерийский полк — 2000 лошадей, дивизионный транспортный полк — 1300 лошадей.

«Усиленная» пехотная дивизия имела 29408 человек (три пехотных полка по 5687 человек в каждом, один полевой артиллерийский полк 2379 человек, один средний артиллерийский полк — 951 человек, один разведывательный полк — 730 человек, одна танковая часть — 717 человек, один инженерный полк — 1012 человек, один транспортный полк 2729 человек), 9906 лошадей, 502 автомобиля. На вооружении было: 10 тыс. винтовок, 405 ручных и 112 станковых пулеметов, 72 противотанковых ружья, 457 минометов (гранатометов); 40 — 37-миллиметровых противотанковых пушек, 24 — 75-миллиметровых полковых орудия, 24 — 105-миллиметровые гаубицы, 13 бронемашин или танкеток, 20 легких танков, 48 средних танков. Каждый пехотный полк имел по 1083 лошади; полевой артиллерийский полк — 2463 лошади и 49 автомобилей; средний артиллерийский полк — 769 лошадей, разведывательный полк — 188 лошадей и 61 автомобиль.

Медицинская часть имела 1468 лошадей, транспортный полк — 1222 лошади<sup>38</sup>.

«Специальная» пехотная дивизия насчитывала 13 тыс. человек (две пехотные бригады по 4750 человек в каждой, одну инженерную часть 600 человек, одну транспортную часть — 1800 человек), 2600 лошадей. На вооружении имелось: 6950 винтовок, 110 ручных и 32 станковых пулеметов, 112 минометов (гранатометов), 16 легких минометов, 8 — 70-миллиметровых батальонных пушек. Каждая пехотная бригада располагала 500 лошадьми, транспортная часть — 1290.

Японские бронетанковые войска вполне соответствовали международным стандартам начала 1930-х гг. Однако мощь брони и вооружения были принесены в жертву маневренности; слабость танкового

вооружения роковым образом сказалась в период халхингольских событий летом 1939 г., когда японские танки столкнулись с частями Красной Армии<sup>39</sup>.

На границах с СССР и МНР японцами было построено 11 укрепленных районов. В течение 1936–1938 гг. они 230 раз нарушали границу СССР, в 39 случаях дело доходило до крупных боевых столкновений. Японское командование планировало захват Монголии как плацдарма для нанесения последующего удара в направлении озера Байкал, изоляцию и захват Дальнего Востока, а затем всей Сибири и других районов СССР.

22 апреля 1936 г. японский посол в СССР г-н Ота заявил в Москве: «... между СССР и Японией нет таких вопросов, которые не могли бы быть разрешены мирным путем». В ответ нарком обороны К. Е. Ворошилов сказал, что он «полностью солидаризировался с мнением посла о том, что между Японией и СССР нет спорных вопросов, которые не могли бы быть разрешены мирным путем»<sup>40</sup>.

В этой связи любопытна следующая геополитическая зарисовка А. Е. Снесарева, относящаяся к оценке Японии: «Народ, как и человек, бывает молод только один раз, всякому государству дается только одна утренняя заря, когда народные силы чувствуют себя могучими, храбрыми, способными на самоотвержение... Япония является существенным и наиболее грозным фактором во всей дальневосточной обстановке, она будет непрерывно вооружаться и поведет войну при первом же благоприятном случае. Иначе думать было бы непростительно и легкомысленно... Япония все прочнее и прочнее врастает в континент Азии, и выбросить ее из этого континента чем дальше, тем будет все труднее и труднее. Япония ни в коем случае не уступит, если бы она рисковала довести дело даже до войны. Но вот вопрос: куда направит она свой первый удар? Этот вопрос... является существенным звеном всей дальневосточной политики. Япония может наметить одного из трех своих врагов: Россию, Соединенные Штаты или Китай»<sup>41</sup>.

17 июля 1937 г. Наркоминдел сообщал о заявлении, сделанном китайским послом в СССР Цзян Тин-фу народному комиссару иностранных дел о вторжении японских войск в Северный Китай. В нем говорилось: «Будучи обязан применять для защиты своей территории, национальной чести и существования все имеющиеся у него средства, Китай, тем не менее, готов разрешить свои разногласия с Японией любыми мирными средствами, известными в международном праве и договорах»<sup>42</sup>.

Через два месяца после заявления китайского посла, 21 сентября 1937 г., М. М. Литвинов на пленуме Лиги Наций высказался достаточно резко: «На азиатском материке без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое — на Китай, наводняет его 100-тысячными

армиями, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших коммерческих центров. И мы находимся, по-видимому, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету»<sup>43</sup>.

Как известно, всякая война является продолжением политики. А потому, рассматривая причины, ход и характер вооруженного столкновения СССР и Японии в районе Халхин-Гола, происшедшего 70 лет тому назад, а также их отношения с другими странами, в том числе с Китаем, Англией, Германией, Италией и США, необходимо учитывать специфику конкретно-исторических условий, сложившихся в те годы в дальневосточном регионе. С этой целью обратимся к некоторым все еще малоизвестным документам российских архивов, позволяющим выявить как новые факты скрыто зревшего противостояния СССР и Японии, так и роль великих держав в разжигании пожара на Дальнем Востоке.

Еще в ноябре 1937 г. крупный политик XX столетия английский либерал Дэвид Ллойд-Джордж в беседе с советским полпредом в Лондоне И. М. Майским высказал мысль о том, что «перспективы сохранения мира туманны»<sup>44</sup>.

27 января на 100-й сессии Лиги Наций прозвучали на весь мир слова М. М. Литвинова: «Внешняя политика Советского Союза представляет собой четкую, прямую линию, устремляющуюся ко всеобщему миру»<sup>45</sup>.

Документы Разведывательного управления Генерального штаба РККА, регулярно докладывавшиеся наркому обороны К. Е. Ворошилову, свидетельствуют о том, что деятели японского генерального штаба высказывали в адрес Советской России обвинения в ее «идейной агрессии, в выборе ею лозунга необходимости „соединения всего мирового пролетариата“, а также в стремлении к большевизации Внешней Монголии и Китая».

Так, еще задолго до событий 1939 г., в апреле 1933 г., представитель великого князя Кирилла Владимировича г-н К. Шуберт секретно сообщал в Харбин на имя Владимира Александровича Кислицына о том, что «как только осуществится окончательный разрыв с Лигой Наций, Япония приступает к подготовительным действиям против СССР. Чтобы, однако, не вызвать предварительного шума и выступления со стороны Америки, ее действия первоначально будут носить замаскированный характер, и к войне открытой и решительной будет приступлено лишь в крайнем случае. В этих целях, прежде чем распространяться на север и запад, Японии требуется собрать по возможности уличающий большевиков материал об их помощи и об участии в снабжении китайцев своими инструкторскими и другими средствами для ведения войны. А потому японские деятели покорнейшим образом просили тщательно собрать всевозможные достоверные факты. В особенности японское правительство счита-

ет необходимым почистить основательно как свой собственный дом, так и свои тылы — в особенности же ближайшую будущую свою фронтную полосу — Харбин и Мукден», откуда, по словам автора письма, должна быть выслана вся «русская дрянь». «А для этого необходимо иметь списки с надлежащими характеристиками вроде: „большевик“, „секретный агент“, „семеновец“, „хорватовец“, „масон“, член „общеинского Союза“ и т. п. Следует подумать о том, чтобы организовать мощный финансовый консорциум частных капиталистов-патриотов и предоставить им на севере Маньчжурии, почти у самой границы, обширные лесные концессии. И далее на эти концессии под видом работников должны направляться свои люди, которые будут осуществлять разведку, а также вести пропаганду среди красноармейцев»<sup>46</sup>.

Этот документ, полученный советской разведкой, был представлен наркому обороны К. Е. Ворошилову с грифом «совершенно секретно» и пометкой «только лично» и с сопроводительной запиской заместителя начальника Особого отдела ОГПУ Г. Д. Гая.

В те же годы Разведывательное управление Генерального штаба РККА, характеризуя состояние японских вооруженных сил, сообщало, что «японцы более сильны в области авиации и морских сил. Что же касается сухопутных вооруженных сил, то они к переходу советской границы не готовы, для приведения их в состояние действительной готовности к войне против РККА потребуется широкая мобилизация и переброска сил метрополии на материк на протяжении 15–17 дней»<sup>47</sup>.

29 января 1939 г. маршалу К. Е. Ворошилову по линии Разведывательного управления Генерального штаба РККА было вручено следующее сообщение (в архиве оно без подписи, но можно предположить, что его автор Рихард Зорге): «По полученным из Токио агентурным сообщениям, германский военный аташе в Японии полковник Отт получил в январе распоряжение своего генштаба запросить японский генштаб, намерено ли японское командование немедленно после завершения войны в Китае начать войну против СССР. Однако даже самые ускоренные приготовления требуют времени, учитывая: а) необходимость содержания большой оккупационной армии в Китае в течение длительного времени; б) необходимость основного пополнения японской армии после войны в Китае; в) наличие финансовых затруднений; г) необходимость известной подготовки самого генштаба. Поэтому ориентировочным подготовительным сроком, который необходим для начала войны против СССР, генштаб считает *минимально один год, максимально — два года*»<sup>48</sup>.

В сообщении Разведывательного управления Генерального штаба РККА от 29 апреля 1938 г., направленном с грифом «совершенно секретно» К. Е. Ворошилову, говорилось о том, что «новому

германскому военно-морскому атташе Канарису поручено создать в Японии разведывательную сеть, а также организовать там получение материалов об СССР». С. Г. Гендин (Разведупр), подписавший сообщение, докладывал также и о том, что бывший германский посол в Японии Дирксен и военный аташе Отт ратовали за войну Японии против СССР, однако они предупредили японцев, что, пока Германия не будет готова к войне, выступление Японии явится преждевременным. Дирксен и Отт рекомендовали японскому правительству начать эту войну по крайней мере через два года, ведя к ней тщательную подготовку. В связи с этим они недовольны нынешней японо-китайской войной, которая, по их мнению, только ослабит Японию в предстоящей войне против СССР<sup>49</sup>.

В марте 1938 г. Гендин докладывал Ворошилову, что, по данным советской разведки, «германские военные круги в Японии убеждены в том, что дальнейшее ведение боевых действий в Китае будет ослаблять военную мощь Японии, и что в 1938 г. японцы не смогут начать войну против СССР». Немецкий посол в Японии Дирксен, говорилось далее в документе, полагает, что, если «Япония достигнет соглашения с Китаем, то она, безусловно, повернет свои войска против СССР». Вместе с тем Дирксен, однако, опасался возможности возникновения конфликта между Японией и Англией и признавал, что такой оборот событий может совершенно нарушить расчеты германской политики<sup>50</sup>.

14 января 1938 г. Гендин доносил Ворошилову, что итальянцы будут использоваться для обучения «японских воздушных сил действиям против нашей авиации»<sup>51</sup>, а 11 апреля 1938 г. он же докладывал, что «в конце марта в Бэйпин прибыло 30 итальянских летчиков для участия в боевых действиях на стороне японских войск. Итальянские летчики включены в особый иностранный отряд и носят японскую форму»<sup>52</sup>.

Безусловно, каждая держава на Дальнем Востоке преследовала свои интересы, в том числе и Советский Союз. Имеющиеся документы свидетельствуют об особых расчетах советского руководства, стремившегося разными путями оказывать свое влияние на Японию. И сегодня мало известно о том, что помимо «коминтерновских контактов», между СССР и Японией на государственном уровне в 1930-х годах были установлены и секретные военные контакты<sup>53</sup>.

Так, архивы сохранили дневники советских военных стажеров, находившихся в японской армии. Ввиду уникальности этих документов, целесообразно воспроизвести их достаточно подробно. Стажер Покладок при 61-м пехотном полку японской армии в феврале— марте 1932 г. сообщал из Вакаямы:

«...**14 февраля.** Вчера из Вакаямы отправляли в Китай добровольцев из запасных, отправлено около

40 человек, наблюдал их в Вакаяма и Осака, отправляют матросов, унтер-офицеров и солдат разных специальностей: артиллеристов, саперов и др. ... Усиленно говорят о больших потерях японцев в Маньчжурии (свыше 1000 чел.)...

**15 февраля.** В Вакаяму доставлен еще один покойничек-герой: моряк, убитый в Шанхае. Конечно, торжественные похороны и шовинистическая пропаганда...

**20 февраля.** Достоверно узнал, что из 4-й дивизии отправлено в Шанхай: а) 4-й инженерный батальон — был дополнен людским составом из запасных; б) около батальона тяжелой полевой артиллерии и в) большая группа офицеров — около 30 чел, в том числе: командир 37-го пехотного полка полковник Кита, начальник штаба 4-й дивизии полковник Усироху, начальник Вакаямского Военного госпиталя врач — полковник Симауци и другие офицеры. По-видимому, в Шанхай концентрируют крупные силы...

В Осаке случайно слышал в магазине разговоры о предполагаемой на днях мобилизации. Поживем — увидим. Вообще, настроение повышенное, много говорят, ругают Америку, политикой которой очень недовольны; досужие обыватели в Вакаяме говорят о войне с Америкой, причем настроение, поддерживаемое военщиной, таково, что «Америку разобьем в три дня». Молодежь на улицах бросает ругань проходящим иностранцам, принимая всех огулом за американцев.

**27 февраля.** Вчера была объявлена мобилизация; в городе возбуждение; везде толпы народа; масса провожающих, в нескольких местах города раскинуты палатки, где происходят проверки запасных; призывают три возраста...

**29 февраля.** Мобилизация продолжается, в городе возбуждение, мобилизованных отправляют из Вакаямы в район Осаки, мобилизация 1930 г. окончена, сегодня мобилизуют 1929 и часть 1928 гг.<sup>54</sup> ... В городе циркулируют самые разнообразные слухи: одни говорят, что отправка идет под Шанхай, другие — под Кантон; а третьи — в Маньчжурию, где, дескать, будет скоро война с Россией и (японцы. — *Авт.*) займут всю Сибирь... За мной невероятная слежка, ходят сзади открыто, как собаки по пятам, ночью у ворот дежурят шпики.

Вызывал к себе командир полка, который беседовал со мной около получаса; из беседы я выяснил следующее:

- а) мобилизация будет производиться около недели и считается совершенно секретной, почему я не имею права интересоваться ее деталями во избежание крупных неприятностей;
- б) мобилизуются офицеры, солдаты и лошади;
- в) мне запрещается писать об этом и говорить, а также фотографировать что-либо относящееся к мобилизации;
- г) в Шанхае применяется новый тип танка, вооруженного одной малокалиберной пушкой и двумя

пулеметами, скорость движения 30 км в час, танк изготовлен в Японии и в январе блестяще выдержал испытание, пройдя из Токио до Аомори без единой задержки в пути;

- д) в боях под Шанхаем производятся испытания нового стального шлема и нагрудника; последний якобы заимствован у варшавской полиции, но усовершенствован японцами...

Япония до сих пор продолжает заимствовать вооружение за границей и особенно внимательно следит за новинками, которые быстро воспринимает. На это обстоятельство надо обратить особо серьезное внимание: ведь бои под Шанхаем ярко показали стремление Японии воспользоваться новейшими достижениями. Героическое сопротивление китайцев под Шанхаем, на которое неожиданно напоролась японцы, вызвало большое озлобление среди военщины, привыкшей к победам «с нахрапа»...

**3 марта.** Вчера вечером состоялся прощальный банкет в честь уезжающих мобилизованных из запаса офицеров, меня не пригласили в офицерское собрание с тем, чтобы я не мог сосчитать числа отправляемых; позвали к концу гулянки в ресторан-гостиницу, где после гулянки ночуют с гейшами. Когда я прибыл в 10 ч вечера (за мной командир полка послал автомобиль), все были пьяны в доску, сразу начали меня качать (видимо, было приказано), среди пьяных было очень удобно работать, прежде всего, я сосчитал все боевые мечи, которые были в комнатах и коридоре (боевой меч резко отличается размерами и формой от обычной игрушечной сабельки); всего оказалось 27. В конце пирушки (я почти не пил ничего ввиду болезни ушей) меня потащили уезжающие в гейшин домик, где в болтовне сообщили, что солдат мобилизовано около 1500 чел. и около 40 офицеров, которые направляются в Осаку, а дальше неизвестно; подтвердили данные о патронных заводах...

**4 марта.** Ездил в Осаку, оживление: резкое увеличение солдат с самыми разнообразными петлицами: без сомнения, и здесь мобилизация...

**6 марта.** Сегодня состоялись проводы мобилизованных... В одиннадцать часов из ворот казармы вышло около 300 солдат, окруженных верховными офицерами и жандармами, а впереди всех, надувшись как мышь на крупу, едет начальник Вакаямской жандармерии; учащиеся по команде учителей машут бумажными флагами и кричат три раза «банзай». Особенного энтузиазма нет... Из Осаки сегодня также отправлено несколько поездов с войсками, станции назначения никто не знает, военное командование держит это в большом секрете, даже офицеры полка не знают, хорошо поставлено дело!

За весь день вышел только на 30 минут «за покупки»; у дома дежурит шпик. Сегодня меня охраняют с исключительным вниманием, сегодня меня не отпускают ни на шаг одного...

**7 марта.** Во время учения ко мне подошел командир батальона Сато и сказал, что было замечено жандармерией, что я сделал несколько снимков, относящихся к мобилизации, а он, Сато, не заметил этого и получил нагоняй; жандармерия требует, чтобы после проявления лента была представлена в жандармское управление; я ответил Сато, что снимки производил только в субботу 5-го марта, и лента внутри аппарата; съемку я производил в присутствии командира бригады и всего офицерского полка, что ничего, относящегося к мобилизации, не снимал. Во избежание кривотолков, недоразумений я вынул ленту из аппарата и передал ему, чем он был страшно смущен и сказал, что «они» хотели бы видеть проявленную ленту. Тоже нашли дурака! Словом, лента погибла, но никакого повода к придирке дано не было!

**8 марта.** Сегодня во время вечернего учения был невольным свидетелем избиения солдат, бил командир полка полковник Отани хлыстом по голове, бил со страшной злобой, избиты были старший унтер-офицер и солдат; поводом к избиению послужили сущие пустяки... Признаюсь, я еле удержался от того, чтобы схватить полковника за руку...

Несколько позже полковник Отани сказал мне, что 4-я дивизия является одной из худших в Японии. В беседе с ним же я уловил какое-то беспокойство в действиях японских войск под Шанхаем...

**20 марта.** Вероятно, в связи с шанхайской операцией в полку усилилась жестокость по отношению к солдатам, причем она поощряется командованием полка...

**31 марта.** В июле прошлого года я закончил свои рабочие тетради и привез их в Токио, чтобы спросить у т. Кука<sup>55</sup> о характере наиболее рационального изложения и обработки; т. Кук решил взять на себя редактирование; но в силу занятости (я далек от мысли упрекать или обвинять т. Кука, к которому относился с большим уважением) т. Кук этого сделать не смог, и 30 января с.г. я был вынужден взять тетради обратно и приступить к обработке самому. Короткий срок — до 15 марта не позволял мне отредактировать свою работу, а газеты ежедневно подхлестывали<sup>56</sup>, требуя скорейшего окончания. Я думаю, что было бы весьма полезно отпечатать мою работу в виде брошюры...<sup>57</sup>.

По поводу своих записей Покладок высказывал мысль о том, что было бы «полезно отпечатать мою работу в виде брошюры „Библиотеки командира и красноармейца“, что принесло бы пользу нашему комсоставу и красноармейцу Дальнего Востока»<sup>58</sup>.

Таким образом, можно заключить, что руководители ВКП(б) и советского правительства, с одной стороны, открыто разоблачали агрессивность Японии, подчеркивая, что самурайская военщина, одержимая фанатизмом, является орудием экспансии, насилия и войны, а с другой, втайне поддерживали с ней военные, политические и экономические контакты.

В архиве также сохранились дневниковые записи и другого советского военного стажера РККА в японской армии Вишневецкого, который сообщал в Москву в январе–апреле 1933 г. о том, что с большим подъемом проходит призыв новобранцев. Призыв также служит установлению связи между населением и армией. Родственники призывников знакомятся с жизнью воинских подразделений, их командирами, начинают проникаться интересами армии; несомненно, что это одна из причин того исключительного положения военнотружущих в стране, особого почтения к ним.

Вишневецкий сделал вывод о том, что его положение в японской армии «определяется отношениями государств и силой Красной Армии», и что «в нынешнем положении ей, Японии, пожалуй, не к лицу задираться». Настроение в Японии, по его мнению, таково, что все зовут к разрыву с СССР, а некоторые требуют проучить и Америку и убрать ее флот и ее руки от Китая.

Характеризуя японского военного министра Араки, Вишневецкий писал: «Он не просто авантюрист, он пойдет на всякую авантюру и потянет за собой очень многих, но пойдет с фанатическим убеждением и такой же решительностью. Его популярность в армии очень велика, велика и в стране». Вишневецкий обращал внимание также и на факт «усиленного обучения японцев химделу». Он подчеркивал, что армия вдохновляется верой в императорскую Японию и полна решимости бороться под знаменем защиты империи<sup>59</sup>.

В начале 1930-х гг. отношения между СССР и Японией в военной области активно развивались. Так, рассматриваются и получают положительное решение планы взаимного прикомандирования к военным академиям и советских, и японских стажеров, прикомандировываются советские и японские офицеры соответственно к советским и японским частям; обе стороны выражают стремление расширить районы пребывания прикомандированных. В частности, рассматривалась возможность перемещения капитана Хорики из 3-го артиллерийского полка, дислоцированного в Симферополе, в Ленинград или Москву<sup>60</sup>.

14 декабря 1932 г. Разведуправление штаба РККА просило М. Н. Тухачевского, а 25 февраля 1933 г. — К. Е. Ворошилова утвердить «проект соглашения о взаимном предоставлении самолета японскому летчику капитану Шимонуки, прикомандированному к 3-му отдельному разведывательному авиаотряду в г. Иваново-Вознесенске и нашему летчику Шаралову, прикомандированному ко 2-му авиаполку японской армии». К. Е. Ворошилов против этого не возражал<sup>61</sup>.

1 августа 1933 г. истек срок прикомандирования к РККА японских стажеров: майора Дон — к 62-му кавалерийскому полку и капитана Шимонуки — к 3-му отдельному авиаотряду. По случаю своего отъезда японцы давали банкет и фотографировались с советскими командирами<sup>62</sup>. А 5 августа

1933 г. совершенно секретно Я. К. Берзии докладывал К. Е. Ворошилову о том, что японцы подарили советским коллегам патефон с небольшим комплектом пластинок от майора Дон. К. Е. Ворошилов, в свою очередь, дал указание, чтобы и «наши стажеры в Японии тоже должны японцев одарить»<sup>63</sup>.

В 1937 г. капитан Фастовщук на год прикомандировывался в японские части в Татиорай; капитан Кисленко — в 16-й авиационный полк 22-й пехотной дивизии; капитан Воронин, воентехники 2 ранга Калинин, Богданов — в Токио; оформлялись на стажировку капитаны Муравьев и Кулагин. Соответственно в РККА направлялись японские капитаны: Симамура — в Ленинград, Юсухара — в Смоленск (в истребительную эскадрилью); Такеда — в Калинин (в 48-й авиаполк); Найто, Цузи, Сато, Кива и Симануки — в Москву<sup>64</sup>.

Между СССР и Японией имелись контакты другого рода. В декабре 1932 г. Союзнефтеэкспорт заключил договор с Мукденским акционерным обществом воздушных сообщений в Южной и Северной Маньчжурии на поставку бензина в количестве 1300 т. По этому договору все указанное количество бензина общество закупило на собственные нужды и для снабжения японской армии. Из всего указанного количества около 50 % общество намеревалось продавать штабу Квантунской армии, а остальное — на частном рынке... «В коммерческом отношении указанный договор был выгоден, так как мы [Союзнефтеэкспорт] выручали относительно более высокие цены, чем при других продажах. Если бы мы не продали маньчжурский бензин, то Япония без всякого труда для себя смогла бы получить бензин у мировых концернов. Тов. Ворошилов, с которым я [Розенгольц] советовался по этому вопросу, также не возражает против продажи бензина в Маньчжурию, так как этот вопрос носит политический характер, прошу Вашего согласия на продажу бензина в Маньчжурию. По ходу переговоров мне необходимо дать ответ не позже 25 марта», — такую записку А. Розенгольц направил в Политбюро ЦК ВКП(б) И. В. Сталину<sup>65</sup>.

В январе 1934 г. японский журнал «Хоноде» опубликовал на своих страницах содержание одной любопытной дискуссии, в которой участвовали видные японские военные деятели: генерал-лейтенант Сато Киокацу, генерал-майор Сайто, майор Хориге, майор Симанага, майор Хаяси, Нацуаки и военный критик Хирата Сенсаке. Собравшиеся обсуждали только один вопрос: что будет, если между Японией и СССР возникнет война, и каковы причины этой войны?

Надо заметить, что материалы из журнала были срочно доложены 1 февраля 1934 г. начальником Разведывательного управления штаба РККА Я. К. Берзиным наркомом обороны К. Е. Ворошилову.

В ходе дискуссии генерал Хаяси высказал следующие соображения:

«Причин для войны имеется много. ...Прежде всего это вопрос о революционизировании, что

является основным принципом России. ... Неоднократно производившиеся в Японии аресты членов компартии свидетельствуют о том, что дьявольские руки России энергично работают над революционизированием Японии... Поскольку в настоящее время имеется такой антагонизм между капитализмом и коммунизмом, возникновение столкновения является естественным».

Далее Хаяси развивал свою мысль таким образом: «... маньчжурская политика Японии и дальневосточная политика СССР коренным образом несовместимы друг с другом. Агрессивная дальневосточная политика России продолжается по-прежнему, поскольку Россия не откажется от нее, столкновение обеих сторон является только вопросом времени... Россия ведет во Внешней Монголии всякого рода революционизирующую деятельность, и меня забавит то, как бы в будущем не возникли осложнения из-за этого».

Генерал Сато так обосновывал свои взгляды: «С более широкой точки зрения это представляет собой вопрос о силе развития Японии и силе развития России... Через 100 лет население Японии будет равно примерно 200 млн человек, а для прокормления такого населения необходимо развитие не только в Маньчжурии, но и вплоть до равнин Сибири... Россия также должна продвигаться на Дальний Восток, и поэтому в конце концов между силой развития той или другой страны произойдет столкновение. Я думаю, что столкновение неизбежно в районе или Байкала, или на запад, или на восток от него, но, в общем, поблизости от него. В таком случае вопрос о силе развития превращается уже в вопрос об азиатской политике Японии и дальневосточной политике России. Затем культура „кодо“ (императорский путь) в Японии является единственной в своем роде в мире. Это не капитализм и не коммунизм, это мы называем культурой японизма. Но она несовместима с коммунистической культурой России, и потому, без сомнения, столкновение произойдет. Это только вопрос времени».

Майор Хориге высказался так: «В самом начале Россия старалась революционизировать Западную Европу и сперва<sup>66</sup> Германию. Но она потерпела в этом неудачу, так же как после того и на Балканах. Тогда начали говорить, что революция придет с Востока, Россия стала прилагать свои старания в Китае. Чаи Кайши вначале использовал это обстоятельство, а потом повернулся спиной к России, которой не повезло и на Востоке...»

По мнению майора Хирата, Сталин для сохранения своей власти не может в течение 20 или 30 лет не вести войны, Россия стремится протянуть в будущем свои руки к Сычуани и Синьцзяну. На это Хаяси ему ответил, что «Синьцзян не в будущем, а уже сейчас все равно что Россия. Влияние России проникло уже почти до Ганьсу». Хирата, в свою очередь, заметил, что «... на берегах Янцзы произойдет столкновение между Японией и Россией...».

Присутствовавший на дискуссии Нацуаки резко высказался за то, что «необходимо быстро ударить по России... Я убежден, что необходимо во что бы то ни стало воевать с Россией». Хаяси, вновь взяв слово, добавил, что русские проводят на Дальнем Востоке газовые маневры, а недавно в район Приморья прибыло 20 с лишним тяжелых бомбовозов; к тому же, маневры, проводившиеся в Забайкалье и Приморье летом этого года, имели в виду японскую армию. Хаяси делал вывод, что, «если концентрация войск России на Дальнем Востоке имеет оборонительный характер, то в будущем Россия может перейти и к нападению».

Итог подвел Хирата: «фактически Россия является провоцирующей стороной, поскольку она имеет крупные военные силы на Дальнем Востоке»<sup>67</sup>.

14 сентября 1933 г. Разведуправление штаба РККА совершенно секретно направило наркому обороны от Рихарда Зорге сообщение о положении в Японии и о вопросе войны с СССР. В нем Зорге обращал внимание на тот факт, что «вся экономическая и политическая обстановка в стране толкает буржуазные группировки на сближение с военными, причем на такое сближение, при котором командная роль по всем важнейшим вопросам внешней и внутренней политики остается в руках военных. Ухудшающееся внешнеполитическое положение Японии и состояние международной изоляции также побуждают буржуазные группировки сплотиться вокруг военщины как наиболее организованной и политически мощной силы в стране... Положение Араки за последние месяцы значительно укрепилось и имеет все шансы на дальнейшее укрепление. Заявление минфина Такахаши о том, что страна идет к военной диктатуре не лишено оснований. О такой же перспективе говорил тов. Козловскому в своей недавней беседе и Хирота, тесно связанный с Араки и Хиранумой»<sup>68</sup>.

Далее Зорге, останавливаясь на вопросе войны Японии с СССР, сообщал, что «... военная подготовка как в самой Японии, так и в Маньчжурии — Монголии по всем линиям идет полным ходом; что эта форсированная подготовка к войне отнюдь не маскируется внешним миролюбивым отношением к нам, а, наоборот, сопровождается легко прощупываемой тенденцией обострения отношений с Союзом». По мнению Зорге, надо ожидать в ближайшем будущем определенного ухудшения отношения японцев к СССР. Далее Зорге писал, что пока ему неизвестны сроки выступления японцев против СССР. Однако он полагает, что сроки такого выступления у японцев намечены и, очевидно, не позднее 1934 г. Рихард Зорге делал важный вывод о том, что «как бы благоприятно сейчас ни сложилась международная обстановка для СССР на Западе, эта обстановка резко ухудшится на другой день после начала войны на Дальнем Востоке».

Зорге полагал, что «начало военных действий против нас должно, по плану японцев, быть

совершенно неожиданным для нас. В условиях современной войны, начало войны выразится, я в этом глубоко убежден, в попытке неожиданного воздушного налета японских ВВС на наши авиабазы на Дальнем Востоке, расположение которых, как Вам известно, достаточно невыгодно для нас. Особенно велика опасность неожиданного подхода авианосцев с моря во Владивостоке». Зорге делал вывод: «Мне кажется, что именно сейчас настало время, когда необходимо внимательно разработать вопрос о предупреждении неожиданного выступления...»

В апреле 1933 г. японский военный атташе, информируя генеральный штаб Японии о положении в СССР, сообщал, что «...если в Европе вспыхнет война, для Советского Союза наступит самый благоприятный момент для осуществления своей программы. Иными словами, данный момент весьма удобен для того, чтобы резко разграничить дела Европы и Восточной Азии. Мы должны встать в стороне от европейских государств и пойти прямо к осуществлению Великой миссии Империи — стать гегемоном Востока. Это единственный путь для нашей Империи... Единственной помехой для Империи при осуществлении ее великой миссии — создания вечного мира на Востоке — является Советский Союз. Поэтому наша Империя, не дожидаясь того момента, когда СССР закончит программу усиления национальной мощи и вооружения, должна обратить все свои силы на подготовку к захвату дальневосточных владений Советского Союза». Г. Гай в препроводительном письме К. Е. Ворошилову назвал это заявление документом «исключительной важности».

В архиве хранится материал о том, что еще 4 марта 1933 г. такая ключевая фигура во внешней политике СССР в XX в., как Лев Карахан, направил И. В. Сталину (копию — В. М. Молотову) следующее послание: «Приглашение Лиги Наций присоединиться к ее взглядам и согласовать наши действия в связи с дальневосточными событиями с членами Лиги Наций, является наиболее откровенной и очевидной попыткой держав втянуть нас в дальневосточный конфликт, обострить наши отношения с Японией и вообще запугать и опутать нас своими решениями и политикой. Сила и успех нашей политики в связи с дальневосточными событиями были результатом той независимой политики строгого невмешательства в конфликт, которую мы заняли с первых дней японского наступления на Китай... Нет ничего более опасного, как лишиться независимости и маневренности в политике, которыми мы обладали в полной мере, и которые являются лучшим оружием нашим в борьбе со всякими провокациями, происходящими и могущими исходить из японских, китайских, американских, всяких иных источников. С этой точки зрения для меня совершенно очевидно, что мы должны отклонить предложение Лиги Наций о присоединении к ее взглядам и приглашение согласовывать свои действия с действиями членов Лиги Наций...»

Единственная страна, которая находится в стороне от всего этого мнимого общего фронта против Японии, — это СССР. Втянуть нас в это дело имеет первостепенное значение как для Соединенных Штатов, так и для других держав. Но было бы величайшей ошибкой с нашей стороны поддаться буржуазному вранью о едином антияпонском фронте и твердой договоренности между Англией, Францией и Америкой против Японии... Мне кажется, не может быть двух мнений, что наиболее идеальным выходом из кризиса и из создавшегося на дальнем Востоке положения для САСШ [Северо-Американские Соединенные Штаты] и для других европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут втягивать и толкать на это. Вопрос о признании СССР Америкой ставит себе ту же цель — использовать нас против Японии путем вовлечения нас в орбиту американской политики, путем столкновения нас лбами с Японией... Мы не должны поддаваться иллюзиям о едином антияпонском фронте, который имеет чисто преходящее значение. В случае войны все нынешние резолюции, комбинации держав, антияпонский фронт — все полетит к черту, и останется лишь одна проблема — как использовать возникшую войну, чтобы выкарабкаться из кризиса и из противоречий в капиталистическом мире за наш счет.

Поэтому правильнее в настоящий момент делать все, чтобы не дать отвлечь себя с нашей правильной линии — политики невмешательства, политики независимости, единственной политики, которая оправдала себя полностью в наиболее острые и трудные моменты в истекшие полтора года... Сейчас мы никому не обязаны давать никаких объяснений по поводу наших шагов в Маньчжурии, а состоя членом Комитета, мы должны будем на эту тему разговаривать... Или вопрос об эмбарго на ввоз оружия в Японию и Китай. Англия поставила этот вопрос перед всеми членами Комитета и ждет их решения. Если мы будем состоять в Комитете, вопрос этот будет поставлен и перед нами. Сейчас мы никому не обязаны отчетом в нашей политике. Мы можем отказаться дать объяснение и даже отвечать на вопросы любой дружественной державы, если она обратится к нам с вопросом по поводу тех или других наших шагов на Дальнем Востоке...»<sup>69</sup>.

Политика Японии в Азии противоречила интересам США. Однако США надеялись на советско-японскую войну, которая должна была бы привести к желаемому равновесию сил и в интересах США, так как такая война должна была ослабить как СССР, так и Японию.

16 июля 1933 г. М. Н. Тухачевский, в то время заместитель народного комиссара по военным и морским делам и Председателя РВС СССР, сообщал К. Е. Ворошилову: «Планомерная подготовка Японией войны для захвата Дальнего Востока развивается неуклонно и становится реальной опасностью возникновения военных действий в 1934 г.»

13 февраля 1934 г. военный атташе Японии в СССР Кавабэ совершенно секретно сообщал в Токио о том, что о необходимости советско-японской дружбы говорили начальник штаба РККА А. И. Егоров, инспектор кавалерии С. М. Буденный, и только один М. Н. Тухачевский, «по-видимому, выступает против этой точки зрения»<sup>70</sup>.

12 марта 1936 г. в городе Улан-Батор-Хото был подписан «Протокол о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой»<sup>71</sup>.

Статья II Протокола гласила: «Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики обязуются в случае военного нападения на одну из договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь»<sup>72</sup>.

После подписания этого Протокола 7 апреля 1936 г. последовала нота китайского министра иностранных дел послу СССР в Китае следующего содержания: «Поскольку Внешняя Монголия является интегральной частью Китайской Республики, никакое иностранное государство не может заключать с ней какие-нибудь договоры или соглашения. Действия Правительства Советского Союза, заключившего с Внешней Монголией вышеуказанный

Протокол в нарушение своих обязательств по отношению к Китайскому правительству, несомненно, составляют нарушение суверенитета Китая и постановлений Китайско-Советского соглашения 1924 г.»<sup>73</sup>.

21 августа 1937 г. в Нанкине был заключен Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой, в котором подчеркивалось, что обе стороны отказываются от войны «как орудия национальной политики в их отношениях друг с другом» и что они «воздерживаются от всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с одной или несколькими другими державами»<sup>74</sup>.

Накануне военных событий, в мае 1939 г., японское военное командование стянуло в район боевых действий около 38 тыс. войск, 135 танков, 225 самолетов. Советско-монгольские войска, оборонявшиеся восточнее реки Халхин-Гол на фронте в 75 км, насчитывали 12,5 тыс. бойцов, 186 танков, 266 бронемашин и 82 самолета. По численности личного состава и авиации противник в три раза превосходил силы советско-монгольских войск. В таких условиях начались ожесточенные боевые действия, завершившиеся блистательными победами Красной Армии и значительными человеческими жертвами с обеих противоборствовавших сторон.

*Халх освещена луной... Картина ужасная. Говорят, что наши части окружены большим количеством танков противника и стоят перед лицом полного уничтожения...*

*Из дневника старшего унтер-офицера штаба 6-й японской армии Отани*

## Глава 3

### Халхин-Гол: как это было

**О**ценивая события на Халхин-Голе, Г. К. Жуков говорил, что «для всех наших войск, командиров соединений, командиров частей и лично для меня сражения на Халхин-Голе явились большой школой боевого опыта»<sup>75</sup>.

Организуя провокации, японское правительство стремилось разведать боем прочность советских пограничных рубежей и боеспособность Красной Армии, а также захватить важные в оперативном отношении позиции для последующих действий против СССР и МНР. В планах японского генерального штаба Монголия рассматривалась как выгодный плацдарм для нападения на СССР. Японцы намеревались энер-

гичными действиями «малых сил» приковать к себе внимание советско-монгольского командования, а тем временем главной группировкой Квантунской армии, сосредоточенной в Восточной Маньчжурии, вторгнуться в Уссурийскую и Амурскую области, а также в район Хабаровска и осуществить молниеносный захват всего Приморского края. По замыслу японского командования обладание этим плацдармом открыло бы Японии кратчайший путь в советское Забайкалье с юга и поставило бы под угрозу весь советский Дальний Восток<sup>76</sup>.

Вторжение в МНР и советское Забайкалье с востока японское командование намеревалось осуществить из района Барги, находящегося в Маньчжурии

между госграницами СССР, МНР и горным хребтом Большого Хингана. Заблаговременно японцы приняли меры для увеличения пропускной способности железнодорожной линии Харбин-Цицикар-Хайлар и приступили к постройке новой железной дороги из Солуни на Ганьчжур. Их цель заключалась в захвате территории МНР на правом берегу реки Халхин-Гол<sup>77</sup>.

Следует подчеркнуть, что выбранный район слабо охранялся, пограничные заставы МНР были удалены от границы на 20–30 км и друг от друга на 40–60 км. К тому же вблизи этого района не было регулярных монгольских войск. Части 57-го отдельного корпуса Красной Армии под командованием комдива Н. В. Фекленко (комиссар корпуса — бригадный комиссар М. С. Никишев, начальник штаба — комбриг А. М. Куцев), находившиеся в Монголии, располагались в 400–500 км от данного района.

**11 мая** 1939 г. до 300 японских солдат перешли государственную границу Монголии и вторглись на ее территорию на 15 км. В этот день монгольские пограничные заставы, расположенные в районе Номон-Хан-Бурд-Обо (юго-восточнее озера Буир-Нур и 16–20 км восточнее реки Халхин-Гол), подверглись внезапному нападению японо-маньчжурских войск и отошли на запад от границы к реке Халхин-Гол.

Начиная с **12 мая** в течение десяти дней в этом районе почти ежедневно происходили пограничные бои, в результате которых обе стороны несли потери убитыми и ранеными.

**14 мая** около 300 японских всадников, продвигнувшись до реки Халхин-Гол, обстреляли бойцов одной из пограничных застав. Получив приказ командования о восстановлении границы, монгольские пограничники вступили в бой с противником, но были рассеяны его авиацией.

Тогда советское командование в Монголии отдало приказ о переброске некоторых частей в район, где была предпринята японская провокация.

**К концу мая** 1939 г. японцы сосредоточили восточнее реки Халхин-Гол группировку войск численностью свыше 1600 штыков и 900 сабель при 75 пулеметах, 18 орудиях, 6–8 бронемашин и 40 самолетах. МНР выдвинула на правый берег реки Халхин-Гол части 6-й кавалерийской дивизии, состоявшей из двух полков. К этому времени в район конфликта подошел направленный советским командованием стрелково-пулеметный батальон 11-й танковой бригады, усиленный ротой бронемашин, саперной ротой и артиллерийской батареей.

**28 мая** японцы перешли в наступление, стремясь охватить советско-монгольские войска с флангов, выйти им в тыл и отрезать от переправы через реку Халхин-Гол. Однако сделать это не удалось, противник попал под сильный огонь советской батареи. Советским 1-й стрелковой и саперной ротам удалось уничтожить разведывательный отряд и моторизованную роту японцев.

К вечеру того же дня в район событий стали прибывать на автомашинах подразделения советского 149-го стрелкового полка под командованием майора Н. М. Ремизова, которые сразу же вступили в бой, продолжавшийся всю ночь.

Утром **29 мая** советско-монгольские части перешли в контратаку и в результате боя, длившегося целый день, отбросили японцев к границе. За два дня японцы потеряли убитыми более 400 солдат и офицеров. Потери советских войск также были велики. Японцы были вынуждены отступить на маньчжурскую территорию. Советским и монгольским войскам удалось захватить важные трофеи — японские штабные документы, в том числе штаба отряда подполковника Адзума. Был обнаружен приказ командира 23-й японской дивизии генерал-лейтенанта Камацубара из Хайлара от 21 мая 1939 г., в котором говорилось, что «дивизия одна своими частями должна уничтожить войска Внешней Монголии в районе Халхин-Гола»<sup>78</sup>.

Наряду со столкновениями наземных войск имели место столкновения авиации.

**28 мая** группа японских истребителей и бомбардировщиков, нарушив границу, неожиданно напала на два полевых аэродрома монгольской армии. Застигнутые врасплох, советско-монгольские истребители поднялись в воздух с опозданием, что сразу же дало противнику преимущество. Однако, потеряв 3 самолета, японская авиация вынуждена была поспешно отступить на свои базы. Советская авиация в этом бою потеряла 9 самолетов.

**22 июня** произошло новое нападение японской авиации уже в количестве 120 самолетов, закончившееся для японцев потерей 31 самолета, а для советской авиации — 12.

**24 июня** японская сторона вновь применила авиацию уже в количестве 60 самолетов. Советская авиация также в количестве 60 самолетов приняла бой. Были сбиты 25 японских самолетов, наши потери составили 2 самолета.

**26 июня** японская авиация численностью около 60 истребителей вновь нарушила границу в районе озера Буир-Нур. Над территорией погранзаставы «Монголрыба» завязался воздушный бой, в котором приняли участие 50 советских самолетов. Бой продолжался около двух часов, носил упорный характер и окончился разгромом японской авиации, которая отступила с поля боя, преследуемая советскими истребителями до района Ганьчжур. В бою было уничтожено 25 японских истребителей, без вести пропали 3 советских самолета.

**27 июня** было отмечено новое нападение японской авиации в районе Тамцак-Булак, отстоящем от границы на 120 км. Численность японских самолетов составила около 80 истребителей и 30 бомбовозов. В результате кратковременного боя были сбиты 7 японских самолетов, из них 2 бомбардировщика,

однако на базы не вернулось 6 самолетов из состава советско-монгольской группировки.

**28 июня** японская авиация в составе 15 бомбардировщиков под прикрытием истребителей снова нарушила границу МНР в районе озера Буир-Нур. Встреченные зенитным огнем артиллерии и советскими истребителями, японские бомбардировщики, сбросив несколько бомб и не приняв боя, ушли на территорию Маньчжурии. Огнем зенитной артиллерии было сбито 2 японских самолета<sup>79</sup>.

**В течение июня** 1939 г. японцы сосредоточили значительные силы в районе реки Халхин-Гол и готовили их для проведения операции под названием «Второй период Намонханского инцидента». Группировка японцев, подтянутая к границам, насчитывала почти 38 тыс. солдат и офицеров, 310 орудий, 135 танков, 10 бронемашин, 158 пулеметов, 225 самолетов. Войска имели задачу внезапным ударом окружить и уничтожить советско-монгольские части и захватить на западном берегу реки Халхин-Гол оперативный плацдарм для последующих действий<sup>80</sup>. Советско-монгольские войска насчитывали 12,5 тыс. бойцов и командиров, 109 орудий, 266 бронемашин, 186 танков, 139 пулеметов, 82 самолета.

Ближайшей целью японских войск являлось: окружение и разгром всей группировки советских и монгольских войск, расположенных восточнее реки Халхин-Гол; а также переправа через нее и выход на западный берег реки с целью разгрома советских резервов. Японцы стремились захватить и расширить плацдарм западнее Халхин-Гола для обеспечения последующих действий.

Ко 2 июля 1939 г. японцы уже сосредоточили значительные силы пехоты, конницы, артиллерии и до 100 танков в районе Номон-Хан-Бурд-Обо и севернее до озера Яньху, атакуя советские и монгольские войска, расположенные к востоку от реки Халхин-Гол и стремясь прорваться к западу от реки. В наступлении участвовала 23-я пехотная дивизия Камацубара, поддержанная полком пехоты, 3-м и 4-м танковыми полками и шестью кавалерийскими полками баргут<sup>81</sup>. Всего, кроме 23-й пехотной дивизии, противник подтянул к району боевых действий 26-й и 28-й полки 7-й пехотной дивизии, два танковых полка, Хинганскую кавалерийскую бригаду, два тяжелых артполка, до двух дивизионов зенитной артиллерии, несколько батарей малокалиберной и горной артиллерии<sup>82</sup>.

Командование советских и монгольских войск решило удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и подготовить сильный контрудар из глубины. С этой целью войска, занимавшие оборону на правом берегу, были усилены 9-й мотоброневой бригадой и 8-й кавалерийской дивизией монгольской армии, а к району конфликта были подтянуты 11-я танковая, 7-я мотоброневая бригады и 24-й мотострелковый полк<sup>83</sup>.

Цель японцев заключалась в следующем. Имея тройное превосходство в силах, японское командование намеревалось окружить и уничтожить советские и монгольские войска на правом берегу Халхин-Гола. Для этого намечалось сильной группировкой обойти советский левый фланг, скрытно переправиться через Халхин-Гол и, захватив прибрежную гору Баин-Цаган, нанести удар в тыл оборонявшихся частей.

**2 июля** пехоте противника при поддержке танков удалось вклиниться в расположение советских и монгольских войск. Продвижение врага было остановлено лишь на линии прибрежных барханов реки Халхин-Гол.

**В ночь на 3 июля** противник незаметно подошел и начал переправу на левый берег Халхин-Гола. К 7 часам утра японцы, закончив переправу и пользуясь превосходством в силах, заняли гору Баин-Цаган и стали продвигаться к югу, 6-я кавалерийская монгольская дивизия отошла на северо-западные склоны горы Баин-Цаган. В районе горы Баин-Цаган развернулось трехсуточное встречное сражение, в котором с обеих сторон участвовало около 400 танков и бронемашин, более 300 орудий и несколько сотен самолетов. Обе противоборствующие стороны несли немалые потери. Точную численность погибших в этих боях советских воинов сегодня назвать уже не представляется возможным.

**К 3 июля** противник сосредоточил на горе Баин-Цаган более 10 тыс. личного состава, около 100 орудий, до 60 орудий противотанковой артиллерии. Советские войска насчитывали более 1 тыс. пехоты, немногим более 50 орудий. Вместе с тем в составе советских войск имелась 11-я танковая бригада комбрига М. П. Яковлева (насчитывавшая 154 бронемашины) и 8-й монгольский бронедивизион (вооруженный 45-миллиметровыми пушками). Основную огневую и ударную мощь составляли бронетанковые соединения.

Советско-монгольское командование разгадало замысел противника. 11-я танковая бригада, 7-я мотоброневая бригада и 24-й мотострелковый полк получили приказ — нанести контрудар по японцам, вышедшим в район горы Баин-Цаган.

3 июля, выполняя этот приказ, главные силы 11-й танковой бригады совместно с бронедивизионом монгольской 6-й кавалерийской дивизии с ходу атаковали врага с северо-запада, а 24-й мотострелковый полк, усиленный дивизионом артиллерии, предпринял атаку с запада, взаимодействуя с 11-й танковой бригадой. Удар был неожиданным для противника. Впоследствии японский офицер вспоминал: «...произошло страшное замешательство, лошади разбежались, таща за собой передки орудий, автомашины помчались во все стороны. Весь личный состав упал духом»<sup>84</sup>. В тот же день к 15 часам подошли главные силы 7-й мотоброневой бригады под командованием полковника А. Л. Лесового, нанеся удар с юга. Сюда же подтягивался броневой

дивизион 8-й монгольской кавалерийской дивизии. Бой продолжался ночью и весь день 4 июля. Неоднократно предпринимавшиеся попытки противника перейти в контратаку и перебросить через реку новые части, были отбиты. Противник, охваченный с трех сторон, перешел к обороне, стремясь удержать в своих руках гору Баин-Цаган.

**4 июля** японцы даже попытались перейти в контратаку, поддержанную большими силами авиации. Но японские самолеты, встреченные советской авиацией, были вынуждены повернуть обратно. Под сильным огнем советской артиллерии контратака противника захлебнулась.

Вечером 4 июля советско-монгольские части предприняли общую атаку на гору Баин-Цаган.

К 3 часам **5 июля** ожесточенное сопротивление врага было сломлено. Не выдержав натиска, особенно танков, противник в беспорядке устремился на правый берег реки Халхин-Гол. Единственный понтонный мост, наведенный японцами для переправы, был уже взорван ими. Охваченные паникой, японские войска бросались прямо в воду, многие — тонули. После кровопролитных боев японские войска, потеряв 5,5 тыс. убитыми и ранеными, вынуждены были отойти.

Поражение японцев у горы Баин-Цаган произвело гнетущее впечатление в Японии. Советник императора, крупный политический деятель Кидо записал в своем дневнике: «Армия в смятении. Все погибло»<sup>85</sup>. Оставшиеся японские войска, захватившие гору Баин-Цаган, были полностью уничтожены на восточных скатах горы и на западном берегу реки Халхин-Гол. Тысячи трупов, масса убитых лошадей, разбитые орудия, минометы, машины устилали гору Баин-Цаган. Старший унтер-офицер штаба 6-й армии Отани японского генерала Камацубара записал в своем дневнике: «Халх освещена луной... Картина ужасная. Говорят, что наши части окружены большим количеством танков противника и стоят перед лицом полного уничтожения».

В результате ожесточенных боевых действий ударная группировка японских войска, прижатая к реке, была наголову разгромлена. 5 июля все стихло... Сражение закончилось разгромом главной группировки японских войска.

«Эта битва, — отмечал Жуков, — является классической операцией активной обороны войск Красной Армии, после которой японские войска больше не рискнули переправляться на западный берег реки Халхин-Гол»<sup>86</sup>. В этих боях противник потерял почти все танки, значительную часть артиллерии, 45 самолетов, около 10 тыс. солдат и офицеров<sup>87</sup>. В ожесточенных боях было убито 800 японцев, советские потери составляли до 300 человек.

**6 июля** японские войска были вынуждены отступить на маньчжурскую территорию.

На рассвете **8 июля** японские части, подкрепленные свежими резервами, прибывшими из Мань-

чжурии, а также крупными силами танков, тяжелой артиллерией и авиацией, вновь нарушили границу МНР к востоку от реки Халхин-Гол, в районе Номон-Хан-Бурд-Обо, перейдя в наступление. Это была своего рода попытка реванша. После четырехдневных кровопролитных боев японские войска, потеряв еще 5,5 тыс. человек убитыми и ранеными, вынуждены были отойти. Разгром японцев советские бойцы справедливо назвали Баинцаганским побоищем.

**С 8 по 12 июля** к востоку от реки Халхин-Гол происходили бои, порой принимавшие характер рукопашных схваток. Контратаками советских и монгольских войска, поддержанных бомбардировочной и штурмовой авиацией, все атаки японцев были отражены, а местность к востоку от Халхин-Гола прочно удерживалась советско-монгольскими войсками.

**С 6 по 12 июля**, по данным советско-монгольского штаба, японские войска потеряли убитыми около 2 тыс. человек и ранеными свыше 3,5 тыс. Советско-монгольские войска захватили 254 пленных, 4 орудия, 4 танка, 15 бронемашин, 70 пулеметов и другое оружие. В боях против монгольских и советских войска участвовали две пехотные японские дивизии (23-я и 7-я), а также 1-я мотомеханизированная бригада, до 100 танков с мотострелковым полком, 1-й отдельный полк полевой тяжелой артиллерии и до 6–7 япономаньчжурских кавалерийских полков. Советские и монгольские войска, по официальным данным, опубликованным в советской печати того времени и ТАСС, в этих боях потеряли убитыми почти 300 человек и ранеными 653.

**С 6 по 12 июля** в районе озера Буир-Нур и в районе Номон-Хан-Бурд-Обо происходили ожесточенные воздушные бои с использованием бомбардировочной авиации с обеих сторон. В этот период авиацией и зенитным огнем был сбит 61 японский самолет, захвачены в плен некоторые члены экипажей, большинство захваченных было тяжело ранено. Советская авиация за это время потеряла 11 самолетов.

Всего же **с 28 мая по 12 июля** было сбито 199 японских самолетов, советских — 52.

**14 июля** 1939 г. на страницах «Известий» было опубликовано опровержение факта применения советскими и монгольскими частями ОВ и бактериологических средств борьбы.

К ночи **12 июля** на участке к юго-западу от Номон-Хан-Бурд-Обо отряд японской пехоты силами до одного батальона при поддержке артиллерии попытался вклиниться в расположение монгольских и советских войска, но был полностью уничтожен. Японцы потеряли 100 человек убитыми, 4 трехдюймовых орудия, 8 противотанковых пушек, 4,5 тыс. снарядов, 5 станковых пулеметов и другое вооружение, захваченное советскими и монгольскими войсками. Так утверждала официальная советская пропаганда. В остальном **с 12 по 20 июля** в районе озера Буир-Нур японские войска не проявляли особой активности,

ведя лишь артиллерийский и пулеметный обстрел позиций советско-монгольских войск к востоку от Халхин-Гола.

В этот период японская авиация ограничивалась разведывательной деятельностью. Только один раз 16 июля в небе появилось до 50 японских истребителей, которые, заметив советскую авиацию, не приняв боя, ушли на свою территорию<sup>88</sup>.

**21 и 22 июля** японцы несколько раз пытались атаковать советские и монгольские войска. Но они прочно удерживали позиции к востоку от Халхин-Гола.

21 июля восточнее и юго-восточнее озера Буяр-Нур японская авиация вновь нарушила границу. Над территорией МНР произошел воздушный бой, в котором участвовало до 120 японских истребителей, собранных из разных районов Маньчжурии. Им противостояло около 100 советских и монгольских истребителей. Бой продолжался около часа и закончился на маньчжурской территории преследованием японо-маньчжурской авиации. В этом бою было сбито 14 японских самолетов, из экипажей которых 2 японских летчика были захвачены в плен. Советская авиация потеряла 3 самолета<sup>89</sup>.

**23–25 июля** японские войска неоднократно пытались атаковать и захватить позиции советских и монгольских войск к востоку от реки Халхин-Гол. Эти атаки были успешно отбиты. 23 июля японская авиация потеряла 15 истребителей, 2 бомбардировщика, 2 самолета-разведчика и 1 аэростат, корректировавший огонь артиллерии. К сожалению, после этих боев на аэродромы не вернулись 5 советских самолетов. 24 и 25 июля воздушные бои продолжались. Столкновения, начинавшиеся со встреч небольших групп истребителей, как правило, разрастались в крупные воздушные сражения. В результате их за 24 июля японцы потеряли 34 истребителя, 2 бомбардировщика, 1 аэростат. Не вернулись на базы 9 советских самолетов. За 25 июля было сбито 19 японских самолетов, сожжен 1 аэростат, с советской стороны потери составили 6 самолетов<sup>90</sup>.

**С 25 июля по 5 августа** советско-монгольские войска прочно удерживали занимаемые позиции к востоку от реки Халхин-Гол, находясь в боевом соприкосновении с японскими войсками. Неоднократные попытки японцев атаковать советско-монгольские войска и вклинуться в их расположение отражались артиллерийским и пулеметным огнем с большими потерями для японцев. В течение этих дней произошел ряд воздушных боев. 28 июля было уничтожено 5 японских самолетов без потерь с советской стороны. 29 июля авиация японцев действовала особенно активно. В результате нескольких воздушных боев японцы потеряли 32 самолета, советская сторона потеряла 4-х летчиков. 31 июля произошло несколько воздушных боев, в результате которых было сбито 5 японских истребителей, на аэродром не вернулся 1 советский самолет.

Японское командование планировало провести в конце августа 1939 г. генеральное наступление, приурочивая его к моменту предполагаемого развязывания войны в Европе. Японские войска все еще надеялись осуществить свои политические и военные цели, изменить ход событий в свою пользу. К началу августа 1939 г. противник имел в районе боевых действий 7-ю и 23-ю пехотные дивизии, полностью укомплектованные по штатам военного времени, пехотную бригаду войск Маньчжурского государства, три тяжелых артиллерийских полка, три полка конницы. Кроме того, из Маньчжурии подходила 14-я пехотная бригада. Для усиления противотанковой обороны японцы перебросили к Халхин-Голу все противотанковые батареи 1-й пехотной дивизии. Противник значительно усилил авиационную группировку и доставил в район конфликта часть тяжелой артиллерии из крепости Порт-Артур. В начале августа была сформирована 6-я японская армия (командующий генерал О. Риппо), насчитывавшая: 75 тыс. человек и имевшая 304 пулемета, свыше 500 орудий, 182 танка, 300–350 самолетов<sup>91</sup>. Советско-монгольские войска насчитывали 57 тыс. бойцов и командиров. На вооружении было 542 орудия и миномета, 498 танков, 385 бронемашин, 515 самолетов.

**1 августа** японская бомбардировочная авиация попыталась нанести удар по войскам, находившимся на территории МНР, но, встреченная советскими истребителями и огнем зенитной артиллерии, не приняв боя и не сбросив бомб, ушла на свою территорию, потеряв 2 самолета, сбитых преследовавшими истребителями.

**2 августа** в 8 часов советская авиация разбомбила аэродром противника и уничтожила 8 японских самолетов, кроме того, 8 самолетов было сбито на взлете.

**3 августа** японские бомбардировщики под прикрытием истребителей попытались совершить нападение на монголо-советские войска, но, встреченные советскими истребителями, потеряв 2 бомбардировщика, ушли на территорию Маньчжурии.

**4 августа** над территорией МНР произошло два воздушных боя между японскими истребителями и бомбардировщиками и советскими самолетами. В результате было сбито 10 японских самолетов, на свою базу не вернулся 1 советский самолет.

**С 5 по 17 августа** в районе к востоку от реки Халхин-Гол происходили стычки небольших разведывательных групп. Японская авиация несколько раз пыталась проникнуть на территорию МНР, были сбиты 31 японский самолет и 7 советских.

**10 августа** по всему 70-километровому фронту захваченного плацдарма японцы готовили исходные позиции для генерального наступления, намеченного ими на 24 августа.

**12 августа** полк японской пехоты, усиленный артиллерией, бронемашинами и частично танками, при поддержке 22 бомбардировщиков атаковал

22-й монгольский кавалерийский полк и занял на южном участке фронта высоту Большие Пески.

Перед командованием советских и монгольских войск стояла задача — подготовить и провести решительное наступление с целью полного уничтожения японских захватчиков, нарушивших государственную границу МНР. Операцию, проведенную советско-монгольскими войсками в августе 1939 г., условно можно разделить на три этапа: с 20 по 23 августа — окружение противника; с 24 по 27 августа — расчленение окруженной группировки; с 28 по 31 августа — полная ликвидация окруженного противника.

Введенных в действие сил не хватало. Поэтому из глубокого тыла к Халхин-Голу стягивались свежие войска: 82-я и 57-я стрелковые дивизии, полк 152-й стрелковой дивизии, 6-я танковая и 212-я авиадесантная бригады, артиллерийские полки, части связи и др. Была усилена авиация: число самолетов увеличилось до 515. Советско-монгольскому командованию удалось добиться численного превосходства над противником: в пехоте — в 1,5 раза, по пулеметам — в 1,7 раза, орудиям — почти в 2 раза, танкам — в 4 и авиации — в 1,6 раза<sup>92</sup>.

Из войск, сосредоточенных у Халхин-Гола, была создана 1-я армейская группа под командованием комкора Г. К. Жукова (член военного совета группы дивизионный комиссар М. С. Никишев, начальник штаба комбриг М. А. Богданов). Для координации действий советских и монгольских войск в районе конфликта на базе Забайкальского военного округа была создана фронтовая группа под командованием командарма 2 ранга Г. М. Штерна (член военного совета группы дивизионный комиссар Н. И. Бирюков, начальник штаба комдив М. А. Кузнецов). Монгольскими войсками, действовавшими в районе боев, руководил маршал Х. Чойбалсан.

В то время когда советско-монгольские войска вели ожесточенные бои с японцами, китайский маршал Ян-Цзе в ходе беседы в Москве 16 августа 1939 г. спросил у наркома обороны К. Е. Ворошилова: «Чан Кайши имеет сведения, что как будто бы создана комиссия с обеих сторон и ведутся переговоры о мирном разрешении конфликта на границе Монголии. Верно ли это и с чьей стороны было сделано предложение?» К. Е. Ворошилов ответил: «Это обычная японская утка. Японцы ведут себя нагло, суют свой нос на монгольскую границу и получают по заслугам; наглее трудно придумать, как ведут себя японцы»<sup>93</sup>.

**17 августа** в 6 км восточнее Халхин-Гола японские войска предприняли ряд атак, стремясь занять ряд господствующих высот.

**17–19 августа** советско-монгольские войска отбили все атаки японских войск и отбросили их на исходные позиции.

Советские войска тщательно готовились к осуществлению завершающего этапа боевых действий.

Все передвижения войск производились только ночью. За 10–12 дней до наступления вдоль фронта постоянно курсировало несколько танков со снятыми глушителями, чтобы японцы, привыкнув к шуму советских танков, как к обычному явлению, были совершенно дезориентированы в момент наступления. С той же целью проводились систематические дневные и ночные полеты советской авиации. Советские и монгольские войска внимательно изучали противника, проводилась рекогносцировка. Замысел советского командования заключался в том, чтобы не позднее 20 августа провести генеральную наступательную операцию с целью окончательного разгрома войск, вторгшихся в пределы МНР. Планировалось ударами сильных групп по обоим флангам противника окружить и уничтожить японские войска между госграницей и Халхин-Голом. Для выполнения этого замысла были созданы три группы — Южная, Северная и Центральная.

Южная группа (командовал полковник М. И. Потапов) наносила главный удар. В ее состав входили: 57-я стрелковая дивизия, 6-я танковая бригада, монгольская кавалерийская дивизия, 8-я мотоброневая бригада, два танковых батальона 11-й танковой бригады, дивизион самоходных установок, 37-й дивизион противотанковых орудий, рота огнеметных танков<sup>94</sup>.

Северная группа (командовал полковник И. В. Шевников) наносила вспомогательный удар. В ее состав входили 11-я танковая, 7-я мотоброневая бригады, стрелковый полк 36-й стрелковой дивизии, 6-я монгольская кавалерийская дивизия, 87-й противотанковый дивизион. Южная и Северная группы считались ударными, на них возлагалась задача выйти в тыл противника и замкнуть кольцо окружения в районе горы Номон-Хан-Бурд-Обо.

Центральная группа в составе 36-й и 82-й стрелковых дивизий, 5-й стрелково-пулеметной бригады, двух артполков должна была фронтальными атаками сковать силы японцев. В резерве армейской группы оставались 9-я мотоброневая и 212-я авиадесантная бригады.

20 августа утром, в воскресенье, советско-монгольские войска перешли в наступление по всему фронту<sup>95</sup>. В 5 часов 45 минут 153 бомбардировщика, сопровождаемые истребителями, произвели массивный налет на передний край обороны японцев, на их ближайшие резервы и артиллерийские позиции. Атаке предшествовала мощная авиационная и артиллерийская подготовка, длившаяся 2 часа 45 минут. После окончания последнего огневого налета артиллерии по переднему краю обороны противника и 15-минутного удара авиации по его тылам под торжественные звуки «Интернационала», передаваемые звуковещательной походной станцией, началась атака пехоты, танков и конницы советско-монгольских войск.

Удар авиации и артиллерии советско-монгольских войск оказался настолько мощным и внезапным,

что противник был морально и физически подавлен. В течение полутора часов его артиллерия не произвела ни одного выстрела, а авиация не сделала ни одного вылета.

В то время как войска центрального участка фронтальными атаками зсковывали главные силы агрессора, южная и северная ударные группировки советско-монгольских войск прорвали вражескую оборону на флангах и стремительным глубоким охватом начали окружать противника. Постепенно враг начал приходить в себя и оказывать все более упорное сопротивление. Японское командование бросило против советско-монгольских войск большое количество танков, артиллерии и авиации. Под их прикрытием в контратаки все чаще стала переходить пехота и кавалерия. На всем фронте разгорелось ожесточенное сражение. Несмотря на отчаянное сопротивление противника, к исходу первого дня серьезный успех был достигнут на внешних флангах Южной и Северной групп, где кавалерийские соединения советско-монгольских войск разгромили части японо-маньчжурской кавалерии и овладели намеченными рубежами вдоль государственной границы.

**21 августа** стрелковые части Южной группы глубоко вклинились в основную оборонительную полосу противника, разгромили его ближайшие тактические резервы и захватили несколько артиллерийских позиций. Стремительными ударами они расчленили оборону японцев на ряд узлов, терявших между собой связь, блокировали их и последовательно уничтожали. При этом большую роль сыграла советская артиллерия и огнемётные танки. Выдвигая на открытые позиции орудия всех калибров, в том числе и 152-миллиметровые, артиллеристы прямой наводкой с близких дистанций уничтожали огневые точки врага. Целями огнемётных танков являлись блиндажи и подземные укрытия, а пехота ручными гранатами и штыками довершала разгром противника.

За один только день 21 августа советские бомбардировщики произвели 256 самолето-вылетов и сбросили свыше 86 т авиабомб.

Северная группа в течение 21–23 августа продолжала вести упорные бои в районе высоты Фуй. Противник подтянул сюда часть своих резервов и задержал продвижение группы.

Оценив создавшуюся обстановку, командующий 1-й армейской группой Г. К. Жуков принял решение ввести в сражение на северном направлении все силы резерва. 9-я мотоброневая бригада, находившаяся в резерве, получила задачу обойти высоту Фуй с севера в направлении Номон-Хан-Бурд-Обо для перехвата путей отхода северной группировки противника и уничтожения его складов в районе озера Узур-Нур.

**22 августа** 9-я мотоброневая бригада совершила рейд на базу японцев у озера Узур-Нур. Танкисты разгромили вражескую автоколонну, подожгли скла-

ды с горючим, уничтожили батарею, прикрывавшую японскую базу.

**23 августа** 9-я мотоброневая бригада достигла Номон-Хан-Бурд-Обо и отрезала пути отхода северной группировке японцев на восток. В этот же день Северной группе, усиленной 212-й авиадесантной бригадой, удалось сломить сопротивление врага и овладеть высотой Фуй. Японцев пришлось выбивать гранатами и штыками буквально из каждой щели. После боя из окопов и блиндажей было извлечено свыше 600 трупов японских солдат и офицеров.

К исходу 23 августа вся оборонительная полоса японцев на участке наступления Южной группы, за исключением одного опорного пункта, была взломана, 8-я мотоброневая бригада, вышедшая к госгранице, заняла оборону фронтом на северо-восток и окончательно отрезала пути отхода южной группировке врага. Советские и монгольские войска завершили окружение противника.

Одновременно с внешним фронтом окружения, состоявшим в основном из мотоброневых, кавалерийских, авиадесантных и частично стрелковых войск, перешедших к обороне вдоль границы, был образован внутренний фронт из стрелковых частей, наносивших по врагу сходящиеся удары. На высотах противнику удалось создать узлы сопротивления и опорные пункты. Если окружение основных сил японцев было осуществлено в течение четырех дней, то на их уничтожение пришлось затратить неделю. Для обстрела противника, засевшего на обратных склонах и в укрытиях, использовались минометы<sup>96</sup>.

Стрелковые части, взаимодействуя с танками и авиацией, расчленили всю оборону японцев на ряд изолированных очагов, которые успешно ликвидировались. У окруженных японцев оставалось еще три очага сопротивления. Первый — на правом берегу Хайластын-Гола в районе высоты Ремизова, названной так в честь командира 149-го стрелкового полка майора И. М. Ремизова, героически погибшего здесь в июльских боях. Второй и третий очаги сопротивления были на левом берегу реки в районе сопки Песчаная и высоты Зеленая. Задача советских войск заключалась в том, чтобы плотным кольцом сжать окруженного противника и последовательными ударами уничтожить его сначала на левом, а затем на правом берегу реки Хайластын-Гол.

В течение **24 августа** части Южной группы совместно с присоединившимися частями Центральной группы продолжали ликвидировать остатки опорных пунктов врага.

Попытки японского командования прорвать кольцо окружения извне ударами подтянутых свежих резервов (25 и 26 августа) не увенчались успехом. По неся большие потери, деблокирующая группа врага вынуждена была отступить.

Артиллерийским обеспечением наступления руководили комкор Н. Н. Воронов и комбриг

Ф. Г. Корзин. В 1940 г. в беседе со Сталиным Жуков оценил Воронова как хорошо помогавшего в планировании артиллерийского огня и в подвозе боеприпасов. Вся артиллерия была разбита на группы поддержки пехоты и танков и группы дальнего действия. Южной ударной группе придавалось 72 орудия, Северной — 36, а 100 орудий оставалось на центральном участке фронта. Кроме того, в войсках имелось 100 полковых и 180 противотанковых орудий. Однако в целом артиллерии на Халхин-Голе было недостаточно<sup>97</sup>.

При подготовке операции больше внимания уделялось завоеванию господства в воздухе. Преимущество японских воздушных сил в майских и июньских боях удалось быстро ликвидировать. Этому способствовали, в частности, обновление авиационного парка истребителями И-16 (на пяти из них впервые было применено ракетное вооружение) и И-153 («Чайка»), а также пополнение летного состава высококвалифицированными кадрами во главе с комкором Я. В. Смушкевичем, получившими опыт ведения боевых действий в небе Испании и Китая.

Многое было сделано для четкой организации связи, управления и взаимодействия войск в предстоящей операции. Управление осуществлялось с командного пункта, размещавшегося на западном берегу реки Халхин-Гол на горе Хамар-Даба. Второй эшелон штаба находился в 20 км, а тыловая группа — в 120 км. Сложные задачи решали инженерные войска: они построили и навели 28 мостов, вырыли 57 колодцев, подготовили 63 аэродрома и провели ремонт дорог. Работники тыла обеспечили войска всем необходимым для ведения боя. Грузы подвозили 3275 автомобилей Забайкальского военного округа и 2580 автомобилей 1-й армейской группы сквозными рейсами без перевалочных пунктов.

К началу операции в ряды ВКП(б) вступили 1204 человека, в комсомол — 1809 бойцов и командиров. Это были также реалии того времени<sup>98</sup>.

В соответствии с замыслом советско-монгольское командование приступило к планомерному уничтожению окруженных японских войск. Оказавшись в котле, японские войска отчаянно сопротивлялись. Японское командование, чтобы разорвать кольцо окружения и оказать помощь своим войскам, 24 августа предприняло наступление юго-восточнее Номон-Хан-Бурд-Обо двумя полками 14-й пехотной бригады, подошедшей с востока. Удар противника был направлен против 57-й стрелковой дивизии, которая занимала оборону по северо-восточной кромке Больших Песков. На следующий день японцы вновь попытались прорваться к своим окруженным частям. Их атака сопровождалась массированным налетом авиации. Но и на этот раз успеха они не имели.

**26 августа** командующий Южной группой решил нанести контрудар. Задача была возложена на 6-ю танковую бригаду.

**24 и 25 августа** советские бомбардировщики совершили 2178 самолето-вылетов. Истребители с 24 по 27 августа провели десять воздушных боев, сбив 74 самолета противника.

Южная группа советско-монгольских войск **27 августа** полностью блокировала японцев, оборонявшихся в районе сопки Песчаная и высоты Зеленая. Уничтожив практически весь личный состав в районе опорного пункта, части Южной группы к исходу 27 августа овладели всеми укреплениями на левом берегу реки Хайластын-Гол и устремились на его правый берег. Одновременно на правом берегу реки советские части с трех сторон атаковали высоту Ремизова.

К утру **28 августа** противник продолжал оказывать сопротивление только в районе высоты Ремизова. Здесь он имел наиболее сильные укрепления. 21–28 августа японские войска, окруженные с обоих флангов советскими и монгольскими войсками, понесли большие потери в личном составе и материальной части, были ликвидированы. Попытки небольших японских частей вновь перейти в наступление были отбиты.

В ночь с 28 на 29 августа остатки японских войск были ликвидированы, и советско-монгольские войска прочно закрепились на рубеже вдоль государственной границы МНР. Вечером 28 августа 24-й мотострелковый полк под командованием полковника И. И. Федюнинского получил задачу уничтожить противника, оборонявшегося на высоте Ремизова, и не позднее 24 часов захватить вершину высоты. Полк при поддержке огнетных танков ворвался на вершину и в 22 часа 30 минут полностью ликвидировал последний очаг сопротивления — до трех батальонов пехоты. Примерно до 200 человек, бежавших в барханы, было уничтожено в ночном бою.

**29 и 30 августа** на участке севернее реки Хайластын-Гол продолжались последние бои.

К утру **31 августа** территория МНР была полностью очищена от японских захватчиков. В итоге 10-дневных боев была окружена и уничтожена большая часть сил 6-й японской армии. 31 августа последние очаги обороны врага были ликвидированы. После полного разгрома своей наземной группировки японское командование предприняло попытки нанести поражение советской авиации. Однако и этот замысел не удался. В начале сентября 1939 г. советские летчики провели несколько воздушных боев, в которых уничтожили 71 вражеский самолет<sup>99</sup>.

Крупная группировка Квантунской армии перестала существовать. 16 сентября японское правительство вынуждено было признать поражение своих войск и попросило о прекращении военных действий. Халхингольский котел до основания потряс Кван-

тунскую армию. Ее командование в полном составе было вынуждено уйти в отставку. Были смещены командующий армией генерал Уэда и начальник штаба армии генерал Мосиган<sup>100</sup>.

В боях на Халхин-Голе японцы потеряли около 61 тыс. убитыми, ранеными, пленными (в том числе около 45 тыс. в июле— августе 1939 г.). За весь период их потери только убитыми составили 25 тыс. человек.

По данным Генерального штаба ВС РФ, опубликованным в книге «Россия и СССР в войнах XX века. Статистические исследования» (под общей редакцией Г. В. Кривошеева. М.: Олма Пресс, 2001. Гл. III), ответственны были и потери советских войск. До середины сентября 1939 г. было убито и умерло на этапах санитарной эвакуации 949 командиров, 1153 младших командиров, 4370 бойцов (всего 6472 человека); умерло от ран в госпиталях 123 командира, 170 младших командиров, 859 бойцов (всего 1152 человека); пропало без вести 60 командиров, 149 младших командиров, 1819 бойцов (всего 2028 человек); погибло в катастрофах в результате происшествий 43 человека; было ранено, контужено и обожжено 1335 командиров, 2123 младших командиров, 11793 бойцов (всего 15251); заболел (болезни простудные, желудочно-кишечные, болезни глаз) 701 человек (данные эти неполные, так как по статистике через халхингольский госпиталь прошло, согласно его учету, 2225 человек заболевших военнослужащих).

Раненых и больных из госпиталей, находившихся на территории МНР, направляли в окружающие военные госпитали Забайкальского военного округа, главным образом в Читу. Потери по родам войск составили: в стрелковых войсках командиров, младших командиров и бойцов — 3391 убитых, 459 пропавших без вести и 10069 раненых; в танковых войсках — 659 убитых, 36 пропавших без вести, 864 раненых; в артиллерии — 177 убитых, 14 пропавших без вести, 466 раненых; в авиации — 100 убитых, 59 пропавших без вести, 102 раненых; в прочих войсках — 647 убитых, 8 пропавших без вести, 658 раненых. Следует отметить, что потери убитыми во время боев на Халхин-Голе несли практически все категории комсостава: командиры взводов, рот, батальонов, полков.

15 сентября 1939 г. в Москве было подписано соглашение между СССР, МНР и Японией, в котором говорилось, что с 14 часов 16 сентября всякие боевые действия прекращались. Войска оставались на своих линиях, занимаемых ими к 13 часам 15 сентября.

Стороны согласились произвести обмен пленными. После окончания боевых действий было проведено два обмена военнопленными. Первый — 27 сентября 1939 г., когда советской стороной было освобождено 88 военнопленных, и второй — 27 апреля 1940 г., когда Японии вернули 116 человек. Приемом пленных с Халхин-Гола занимался народный комиссар внутренних дел Л. П. Берия. В справке НКВД СССР, датированной 3 марта 1940 г., о япон-

ских военнопленных, захваченных в период боев на монгольской территории, говорилось: «В период событий на Халхин-Голе 19 июля 1939 г. моботделом НКВД было предложено Гулагу НКВД подготовить лагерь к приему военнопленных-японцев. Такой лагерь был подготовлен в городе Нижнеудинск на 2 тыс. человек. В связи с тем, что военнопленных оказалось только немногим более 100 человек и развертывать для их содержания специальный лагерь было признано нецелесообразным, военнопленные, на основании шифротелеграммы народного комиссара внутренних дел Союза тов. Берия от 30.10.1939 г. за № 801, были водворены в отдельный корпус Читинской тюрьмы». Начальник 1-го отдела Управления НКВД СССР по делам военнопленных Тишков сообщал руководству, что в настоящее время приступили к заполнению опросных листов и заводятся личные дела.

За мужество и героизм в боях на Халхин-Голе 70 командирам и бойцам Красной Армии было присвоено звание Героя Советского Союза, 21 человеку это звание было присвоено посмертно (среди них комбриг М. П. Яковлев и майор И. М. Ремизов). Летчики С. И. Грицевец и Г. П. Кравченко стали дважды Героями Советского Союза. Среди Героев 33 человека были танкистами, 23 — летчиками. Всего было награждено 17 тыс. командиров и красноармейцев, орденосными стали 24 соединения, части и подразделения. В боях на Халхин-Голе особенно отличились 36-я мотострелковая дивизия, 11-я танковая бригада, 100-я скоростная бомбардировочная авиационная бригада, 24-й мотострелковый полк, 57-я стрелковая дивизия, 8-я и 9-я мотоброневые бригады, 22-й, 56-й и 70-й истребительные авиационные полки и др.

Умело и решительно действовали воины танковой бригады под командованием комбрига М. П. Яковлева. Танковый экипаж лейтенанта А. А. Мартынова уничтожил пять вражеских орудий. Майор Г. М. Михайлов во главе танкового батальона прорвался глубоко в тыл противника и даже раненый руководил подразделением до полного выполнения задачи. Беспрецедентный подвиг совершил танковый экипаж политрука Д. П. Викторова. Отважные танкисты подбили десять вражеских орудий; даже когда подступавшие японцы подожгли танк, советские воины продолжали сражаться до последнего дыхания. Высокое мастерство и самоотверженность проявили советские летчики. В боях с японцами В. Ф. Скобарихин и А. Ф. Мошин применили воздушный таран, повторив подвиг советского добровольца в Китае А. А. Губенко. Умело действовали монгольские цирки и дарги. 29 августа 1939 г. Президиум Верховного Совета СССР вручил награды командарму 2 ранга Г. М. Штерну, комкору Г. К. Жукову, полковнику И. И. Федюнинскому; 83 человека получили ордена Ленина, 595 — Красного Знамени, 134 — Красной Звезды, 33 — медали «За отвагу», 58 человек — медали «За боевые заслуги».

В ходе августовской наступательной операции на реке Халхин-Гол для решения поставленных задач были применены бронетанковые и механизированные войска, И хотя они в оперативном построении еще не выделялись в эшелон развития успеха, опыт боевых действий наглядно показал, что они являлись основным средством в руках командующего для охвата флангов и окружения противника. Их действия, в частности в Северной группе войск, выявили целесообразность ввода в прорыв крупных масс танков, проведения ими широкого маневра по выходу на тылы и фланги противника<sup>101</sup>.

«Если бы в моем распоряжении не было двух танковых (6-й и 11-й) и трех мотоброневых (7-й, 8-й, 9-й) бригад, — отмечал Г. К. Жуков, — мы, безусловно, не смогли бы так быстро окружить и разгромить 6-ю японскую армию». Г. К. Жуков высказывал И. В. Сталину свою идею о том, «что нам нужно резко увеличить в составе Вооруженных сил бронетанковые и механизированные войска»<sup>102</sup>. Боевые действия на реке Халхин-Гол послужили определенным толчком в совершенствовании организационной структуры бронетанковых и механизированных войск.

Еще в 1933 г. вместо танка БТ-2 в СССР начался выпуск танка БТ-5, вместо 37-миллиметровой пушки была установлена 45-миллиметровая пушка. В 1939 г. немцы еще не имели таких пушек, как советские танки Т-26 и БТ-5, в начале 1930-х гг. По броню БТ-5 равнялся германским танкам, а по ходовым качествам превосходил их настолько, что танки Германии и любой другой страны мира не могли с ним сравниться по этим характеристикам. В 1935 г. СССР начал производство танка БТ-7. Его броня была увеличена до 22 мм, масса возросла до 13,8 т, мощность двигателя — до 450 л.с. Существовал также вариант БТ-7А с 76-миллиметровой короткоствольной пушкой. В 1933–1934 гг. было выпущено около 600 — БТ-2, 1900 — БТ-5 и 4600 — БТ-7. В 1939 г. Советский Союз имел средние танки Т-28, которые весили 32 т и имели двигатели в 500 л.с., броню — 60 мм, 76-миллиметровую пушку. В 1939 г. был также начат выпуск танков БТ-7М, боевой вес которых составлял 14,65 т, а главным результатом модернизации был дизельный двигатель мощностью 500 л. с. Танк обладал скоростью 62 км/ч на гусеницах и 86 км/ч на колесах с запасом хода 400 км.

Использование танков предполагалось с учетом характера местности. Было известно, что местность к востоку от реки Халхин-Гол была покрыта песчаными буграми, барханами и изрезана котловинами, лощинами и ямами глубиной до 40 м. Высота барханов достигала 40–50 м; равнинная местность к западу от реки Халхин-Гол не имела никаких естественных укрытий.

К началу июля 1939 г. японское командование подтянуло к району боевых действий две пехотные дивизии, два танковых полка, около двух дивизий кавалерии и большое количество боевой техники.

Советские войска, сосредоточенные у реки Халхин-Гол, были сведены в 1-ю армейскую группу, в которой насчитывалось в середине августа 498 танков и 385 бронемашин<sup>103</sup>.

Основная масса танков была сосредоточена в составе созданной Южной группы советских войск, наносившей главный удар. Обеспечение флангов ударных групп возлагалось на монгольские кавалерийские дивизии.

Резерв командующего 1-й армейской группой в составе 9-й мотоброневой бригады, 212-й авиадесантной бригады и танкового батальона 6-й танковой бригады к утру 20 августа сосредоточился юго-западнее горы Хамар-Даба в готовности развить успех Южной и Северной групп.

Начало общего наступления назначалось на 20 августа. Большого успеха в первый день наступления достигли войска Южной группы: 8-я мотоброневая бригада под командованием полковника А.П. Мишулина, преодолевая полосу песчаных бугров, к исходу 20 августа вышла в район в 3–4 км от Номон-Хан-Бурд-Обо, а ее разведывательные подразделения достигли линии государственной границы юго-восточнее этого пункта. 57-я стрелковая дивизия, поддержанная 3-м и 4-м танковыми батальонами 11-й танковой бригады, продвинулась на 11–12 км, части, действовавшие на ее правом фланге, овладели большей частью района Большие Пески. Успешное продвижение 8-й мотоброневой бригады и правофланговых частей 57-й стрелковой дивизии привело к охвату левого фланга оборонявшихся японских войск<sup>104</sup>.

6-я танковая бригада под командованием полковника М.И. Павелкина, насчитывавшая в своем составе около 150 танков, в первый день операции наступать не смогла, так как из-за плохой организации и обеспечения переправы через реку Халхин-Гол не сумела своевременно выйти в исходный район и вступила в бой лишь 21 августа. Бронетанковые части Северной группы войск, имея задачу охватить правый фланг противника, стремительным ударом отбросили вражескую конницу, овладели передовыми позициями японцев и к исходу дня подошли к их сильно укрепленному узлу сопротивления на высоте Фуй. Попытка овладеть этим оборонительным узлом с ходу не увенчалась успехом. Войска Северной группы вынуждены были развернуть для атаки этой высоты свои главные силы, но противнику удалось отразить удары советских войск. Войска Центральной группы в первый день наступления продвинулись незначительно.

В результате первого дня наступления советско-монгольские войска создали угрозу флангам японской группировки. Перед бронетанковыми частями встала задача как можно скорее замкнуть в тылу японских войск фронт окружения.

В полосе наступления Южной группы 21 августа вступила в бой 6-я танковая бригада, которая со-

вместно с 8-й мотоброневой бригадой обошла фланг противника и полностью овладела районом Большие Пески. Тем самым бронетанковые части вышли на предполагаемые пути отхода войск противника, находившиеся южнее реки Хайластын-Гол.

Части Южной группы, вклинившись в оборону противника, разгромили его тактические резервы и захватили ряд артиллерийских позиций. Наступающие войска, несмотря на упорное сопротивление, расчленили оборону японцев на отдельные районы, блокировали их и последовательно уничтожили. Весьма высокую эффективность показали советские огнеметные танки, которые уничтожали противника в блиндажах и укрытиях. В ожесточенных боях вся оборона противника в полосе наступления войск Южной группы к исходу 23 августа была взломана. Японцы продолжали удерживать лишь отдельные опорные пункты южнее реки Хайластын-Гол. К этому времени 8-я мотоброневая бригада, вышедшая к государственной границе юго-восточнее Номон-Хан-Бурд-Обо, заняла оборону фронтом на северо-восток и окончательно отрезала пути отхода южной группировке японских войск. С выходом этой бригады к государственной границе был образован внешний фронт окружения и создавались благоприятные условия для уничтожения войск противника.

При самостоятельных действиях танковых частей обычно батальон или рота танков на большой скорости подходили к какому-либо укрытию и с дистанции 700–1000 м вели ураганный огонь по оборонявшемуся противнику. Затем, сочетая огонь с маневром, танки поротно или повзводно стремительно продвигались к объекту атаки и расстреливали его с близкой дистанции, стремясь охватить или окружить его. В большинстве случаев танки прорывались до артиллерийских позиций противника, но полностью уничтожить его узлы обороны им удавалось только после повторных атак, во взаимодействии с пехотой.

Опыт действий 6-й танковой бригады на местности, покрытой песчаными барханами, свидетельствовал о том, что в подобных условиях необходимо было уничтожать оборонявшегося противника усилиями танков и пехоты при поддержке авиации.

Войска Северной группы в течение 21 и 22 августа не смогли овладеть высотой Фуэй, так как атаки с фронта узла обороны противника, предпринимаемые пехотой и танками, успеха не имели. Затянувшиеся бои за высоту Фуэй не позволяли завершить окружение противника. Напрашивалось решение: частью сил блокировать эту высоту, а главными силами стремительно наступать в южном направлении. Такое решение и было принято командованием. Для этого из резерва в ночь на 21 августа была выдвинута 9-я мотоброневая бригада, которой была поставлена задача: не ввязываясь в бой за высоту Фуэй, обойти ее с севера и наступать вдоль государственной границы в направлении Номон-

Хан-Бурд-Обо с целью завершения окружения японской группировки, оборонявшейся севернее реки Хайластын-Гол.

Выполняя поставленную задачу, 9-я мотоброневая бригада, усиленная 4-м танковым батальоном 6-й танковой бригады, обошла высоту Фуэй. Продвигаясь на юг, 23 августа она достигла Номон-Хан-Бурд-Обо, отрезав пути отхода северной группировке японцев на восток. На другой день наступления подразделения бригады при огневом взаимодействии с подразделениями 8-й мотоброневой бригады Южной группы замкнули кольцо окружения. При выполнении этой задачи 2-й танковый батальон 11-й танковой бригады, действовавшей совместно с 9-й мотоброневой бригадой, 22 августа разгромил японскую базу снабжения в районе озера Узур-Нур: была уничтожена автоколонна противника, подожжены склады ГСМ (горючего и смазочных материалов), боеприпасов и разбита артиллерийская батарея. Ликвидация этой базы в значительной степени нарушала снабжение японских войск.

Таким образом, к исходу 24 августа бронетанковые части завершили окружение противника, а стрелковые войска, совместно с танковыми подразделениями, продолжали расчленять вражескую группировку на отдельные, изолированные друг от друга, группы. В сложившейся обстановке было решено сжать окруженного противника плотным кольцом и концентрическими ударами последовательно уничтожить его сначала на южном, а затем и на северном берегу реки Хайластын-Гол. При этом часть сил должна была находиться на внешнем фронте окружения в готовности к отражению возможных попыток противника деблокировать окруженные войска.

Развернувшиеся южнее реки Хайластын-Гол стрелковые части совместно с 3-м и 4-м танковыми батальонами 11-й танковой бригады продолжали сжимать кольцо окружения. Однако уничтожить упорно сопротивлявшегося противника не удалось. Японское командование 24 августа предприняло попытку начать наступление двумя пехотными полками из района юго-восточнее Номон-Хан-Бурд-Обо. Это намерение противника было сорвано действиями 80-го стрелкового полка, оборонявшегося на внешнем фронте окружения, и 6-й танковой бригады. Все атаки противника 24 и 25 августа были успешно отражены. При отражении атак противника 3-й батальон 6-й танковой бригады действовал в боевых порядках пехоты, а 1-й и 2-й батальоны — на флангах 80-го стрелкового полка.

26 августа 6-й танковой бригаде была поставлена задача нанести удар двумя батальонами с флангов 80-го стрелкового полка. При приближении наступающих японцев к передовым позициям советской пехоты 3-й танковый батальон должен был отразить атаку противника огнем с места, находясь в боевых порядках стрелковых подразделений. Танковые удары по флангам атакующего противника оказались

неожиданными и привели его к поражению. Танки огнем и гусеницами уничтожили противотанковые орудия противника и до двух рот пехоты. Понеся в трехдневных боях значительные потери, контратакующая группировка японских войск вынуждена была отступить.

Боевые действия танковых войск в районе озера Хасан и на реке Халхин-Гол послужили важным толчком для совершенствования боевой техники, организационной структуры и способов боевого применения советских танковых войск. На основе опыта боев на Халхин-Голе было рекомендовано увеличить толщину брони танков, особенно башен и бортов в районе топливных баков, а также сделать запасной выход из танка в днище боевого отделения. Эти рекомендации учитывались при разработке среднего танка Т-34 и легкого танка Т-50, принятого на вооружение перед Великой Отечественной войной.

Халхингольские события показали высокую боевую эффективность огнеметных танков ОТ-26 и Т-130 для выжигания противника из траншей и огневых точек, однако эти танки обладали недостаточной дальностью огнеметания (45–50 м). Работы по созданию огнеметных танков с большей дальностью огнеметания завершить до начала Великой Отечественной войны не удалось. Только в 1942 г. был принят на вооружение автоматический танковый огнемет АТО-42, выбрасывающий под давлением пороховых газов огнесмесь на дальность до 120 м. На танке Т-34 (ОТ-34) такой огнемет имел 200-литровый запас огнесмеси, что позволяло произвести 20 выстрелов. На танке КВ запас огнесмеси достигал 570 л (57 выстрелов).

Во время боев в мае 1939 г. было установлено, что броня малых плавающих танков Т-37А толщиной 9 мм пробивается бронебойными пулями японских винтовок и крупнокалиберных пулеметов. Выяснилась также низкая проходимость Т-37А на песчаных грунтах. В связи с этим в дальнейших боевых действиях на реке Халхин-Гол эти малые плавающие танки не участвовали и использовались только для связи.

В постановлении Комитета обороны от 19 декабря 1939 г., где речь шла о среднем танке Т-34, ставился вопрос о замене малого плавающего танка Т-37А и аналогичного по броневаой защите, вооружению, экипажу, скоростным данным танка Т-38 плавающим танком Т-40, разработанным коллективом конструкторов под руководством Н. А. Астрова. Новый плавающий танк имел броню толщиной 13 мм, защищающую от огня крупнокалиберных пулеметов. Было усилено и вооружение, оно состояло из 12,7- и 7,62-миллиметровых пулеметов (у Т-37А и Т-38 был только один 7,62-миллиметровый пулемет). Плавающий танк Т-40 выпускался лишь в 1940–1941 гг. В дальнейшем вооружение и броневаая защита этого танка оказались недостаточными, и его производство было прекращено.

Опыт боевых действий показал практическую невозможность использования тяжелых пушечных броневых автомобилей БА-6 и БА-10 на переднем крае и в глубине обороны противника ввиду их низкой проходимости. После событий на Халхин-Голе производство пушечных броневых автомобилей было резко сокращено, а весной 1941 г. их выпуск прекратился совсем.

Победа в операции на реке Халхин-Гол была завоевана согласованными усилиями всех родов войск и различных служб. Организация оперативного взаимодействия между стрелковыми соединениями, конницей, артиллерией, бронетанковыми войсками и авиацией составила один из важных элементов подготовки операции. Взаимодействие обеспечивалось: совместными рекогносцировками на местности, разработкой детальных планов взаимодействия, близким или совместным расположением командных пунктов общевойсковых командиров и командиров других родов войск, бесперебойной связью между командными пунктами начальников родов войск и командующего 1-й армейской группы.

Положительный опыт августовской операции заключался также в том, что советско-монгольское командование умело и искусно использовало бронетанковые соединения, действовавшие в оперативном и тактическом взаимодействии с общевойсковыми соединениями.

Как показал опыт этой операции, успех такого маневра зависит, прежде всего, от быстроты и стремительности действий. Получив задачу не ввязываться в затяжные бои за отдельные опорные пункты и громить при активном содействии авиации подходящие резервы противника, бронетанковые части решительно направлялись в глубину обороны японских войск, стремясь перехватить их коммуникации и замкнуть кольцо окружения.

Вместе с тем опыт августовской операции показал, что одними танками и бронемашинами невозможно решить поставленные задачи по окружению противника. Прочный фронт окружения может быть создан лишь в тесном взаимодействии бронетанковых и мотострелковых частей и соединений. Действия Северной группы показали, что бронетанковые войска целесообразно использовать для прорыва подготовленной позиционной обороны, и их лучше вводить в прорыв для смелого маневра во фланг и тыл противника.

В боях на реке Халхин-Гол выявились недостатки как в боевом использовании, так и в качестве танков. Весьма ограниченно применялся маневр танковыми частями в бою. Танки БТ-5 и БТ-7 имели тонкую броню и легко поражались противником.

По окончании военных действий Г. К. Жуков среди танковых выделил 11-ю танковую бригаду под командованием комбрига М. П. Яковлева, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Оценивая роль Д. Г. Павлова, Г. К. Жуков на

встрече с И. В. Сталиным сказал, что Павлов помог нашим танкистам, поделившись с ними опытом, полученным в Испании.

В 1940 г. не без учета опыта Халхин-Гола было принято решение о формировании танковых и моторизованных дивизий, которые входили, как правило, в состав вновь создаваемых механизированных корпусов. На Дальнем Востоке же с этого времени дислоцировалось несколько отдельных танковых дивизий, укомплектованных по особому штату<sup>105</sup>.

Что касается роли авиации, то в предвоенные годы политическое и военное руководство СССР обращало главное внимание на необходимость совершенствования таких ее качеств, как дальность, высокая маневренность, способность в сжатые сроки сосредоточить свои усилия на любом направлении, возможность самостоятельно вскрывать различные объекты и немедленно уничтожать их. По мнению высшего руководства страны, эти качества предопределяли исключительную роль авиации в бою, тем самым выдвигая ее в качестве эффективного средства при решении не только тактических, но и оперативно-тактических задач.

Необходимо подчеркнуть, что достижения в области авиации в СССР стали возможны в определенной мере благодаря развитию отечественной теории применения авиации. Подчеркивая важную роль авиации в грядущих военных столкновениях, А. Н. Лапчинский в своем труде «Воздушные силы в бою и операции» так определил важнейшие принципы ее боевого использования: сосредоточение необходимых сил авиации для выполнения задач в данной операции; неожиданный для противника ввод в дело выделенных сил (т. е. внезапность применения); тесное взаимодействие всех родов авиации; необходимость применения в операции крупных сил авиации, так как только это может дать ощутимый результат ее действий (т. е. ее массированное использование<sup>106</sup>). Стратегически победа на Халхин-Голе была достигнута в короткие сроки объединенными усилиями различных видов вооруженных сил и родов войск. В достижении победы на Халхин-Голе важная роль была отведена отечественной авиации, вступившей в ожесточенные бои против японских воздушных сил. В самом начале халхингольских событий Г. К. Жуков, понимая всю сложность обстановки, обратился к наркому обороны с просьбой усилить советские авиачасти.

Следует учитывать, что с японской авиацией советские летчики встретились на Халхин-Голе впервые. Начиная с 1930-х гг. советские летчики, а по терминологии того времени «волонтеры», уже столкнулись с японскими асами в ходе ожесточенных воздушных боев в небе Китая. Так, только в воздушном бою над Ханькоу 31 мая 1938 г. ими было сбито 8 японских самолетов<sup>107</sup>. Летом 1939 г. в разгар событий на Халхин-Голе, когда японцы рвались к китай-

ской столице военного времени Чунцину, 400 советских летчиков в течение четырех месяцев сдерживали японское наступление. Они бомбили тылы японцев и базы даже на Тайване<sup>108</sup>. К началу 1939 г. в Китае находилось 3665 советских советников, инструкторов, военных летчиков, техников, шоферов. В августе 1939 г. в Москве между Китаем и СССР был подписан протокол о строительстве самолетосборочного завода в районе города Урумчи<sup>109</sup>.

Разведывательное управление Генерального штаба РККА, отслеживая боевые действия в Китае и давая характеристики японских сил, столь необходимых для командования ВВС РККА, в апреле 1938 г. сообщало, что в составе японских ВВС, действующих в Китае, имеется 114 итальянских самолетов, 130 летчиков и 24 инженера, германских самолетов — 128, 115 немецких летчиков и 25 инженеров. В основном немецкие и итальянские летчики проводят подготовку летно-технического состава японских ВВС, а часть их участвует в воздушных операциях<sup>110</sup>.

Советский военный атташе в Китае Иванов постоянно информировал наркома обороны К. Е. Ворошилова о состоянии советской авиации и ее противоборстве с японцами. В одном из докладов он подчеркивал: «Необходимо улучшить обучение, дисциплину, организацию полетной аэродромной службы, повысить ответственность и „вернуть мозги“ по вопросу об использовании авиации. Японцы широко распространяют оценки действий на границе у озера Хасан. Указывают на неумелые действия авиации, танков, пехоты, большие потери частей РККА. Используют официальное сообщение об оставлении 200 метров сов[етской] территории в руках японцев, как наше бессилие выбить их с высоты... бросается тень на способность Красной Армии драться с японцами»<sup>111</sup>.

Иванов обращал внимание на то, что у озера Хасан авиация применялась неправильно. Вместо мощного удара по высоте, занятой японцами, очевидно, как всегда, авиацию направили в тылы японцев, не было длительного воздействия авиации по высоте в течение 2–3 часов непрерывно. Действия танков были ограничены местностью. В итоге — значительные потери, а часть территории все же осталась в руках японцев.

«Не могу представить, — подчеркивал Иванов в очередном докладе наркому обороны, — как можно оставить японцам хоть один метр, если сосредоточить на нем удар всех средств, и в первую очередь авиации. Весь опыт захвата Японией Маньчжурии, Китая, итальянцами и немцами — Испании и Абиссинии говорит о необходимости, целесообразности мощного, а главное, длительного (от 2 до 5–6 ч непрерывно) использования авиации в бою в дополнение к артиллерии, танкам. Без этого пехота, танки будут нести колоссальные потери и, несмотря на это, не всегда добиваться успеха. Дело не в особых условиях Китая, Абиссинии, Испании, а во взглядах на роль

авиации. Только в периоды между боями и перед боями нужно бросать авиацию на тылы противника. Нужно перестроить и обучение. Наши летчики могут работать только по глубоким тылам, а не учатся бомбить, пикировать, уничтожать цели на поле боя. Между тем японцы это сейчас делают успешнее»<sup>112</sup>.

Г. К. Жуков, размышляя об итогах халхингольских боев, констатировал, что в начале кампании японская авиация была советскую авиацию.

28 мая 1939 г. комдив Н. В. Фекленко шифровкой сообщал Б. М. Шапошникову: «Прошу немедленно дать ответ, так как это связано с планированием боя 29 мая. 1. Авиация противника господствует в воздухе. 2. Западный берег реки Халхин-Гол совершенно открыт и не дает никакого маневра, за исключением района горы Дзукхан Ула, где местность легко пересяченная. 3. Наша авиация не в состоянии прикрыть наземные войска до захвата переправы 2 июня, так как основной удар и решительный можно нанести только 2 июня. 4. Удерживать восточный берег реки Халхин-Гол можно, но с большими потерями от авиации противника, несколько машин имеют Мессершмидт по агентурным данным 3, прикрыть себя земле [с земли в] районе действий не имею чем, рискуя обходом флангов, так как японцы делают поджог травы, этим создают тяжесть обороны, а поддержать до исхода 29 мая не имею чем, к исходу дня буду иметь резерв до одной мотобригады. 5. Прошу с наступлением темноты отвести части на западный берег и оборонять его, произведя бомбежку противника 29 мая в районе Джужур Обо, Номонканн Бурд Обо [с] задачей уничтожить живую силу противника»<sup>113</sup>.

Если в начале июля в распоряжении советского командования в районе вооруженного конфликта на Халхин-Голе имелось (благодаря быстрому маневру авиацией в район боевых действий) уже 267 самолетов, у противника — 239, то к августу 1939 г. произошли новые изменения, когда советская авиационная группировка была доведена до 515 самолетов, а у противника имелось 300 боевых машин<sup>114</sup>.

Исключительное значение для исхода борьбы за господство в воздухе на реке Халхин-Гол имела переброска советским командованием 29 мая в этот район большой группы опытного летного состава во главе с комкором Я. В. Смушкевичем<sup>115</sup>. Передача боевого опыта молодым летчикам внесла коренные изменения в характер противоборства с японской авиацией.

Все вместе взятое привело к тому, что борьба за господство в воздухе стала более результативной для советской авиации. Резко изменилось соотношение потерь авиации сторон. Например, 22 июня 1939 г. 120 самолетов противника пытались нанести удар по советско-монгольским войскам. Для его отражения было поднято в воздух 95 советских истребителей. В завязавшемся воздушном бою, который продолжался около двух с половиной часов, был уничтожен 31 японский самолет; потери советской авиации со-

ставили 11 самолетов<sup>116</sup>. 24 июня японская авиация вновь повторила свой массированный удар и вновь была крепко побита, по оценке Г. К. Жукова<sup>117</sup>.

26 июня вблизи озера Буир-Нур, в районе погранзаставы «Монголрыба», завязался еще один воздушный бой 60 японских и 50 советских истребителей. В бою противник потерял 25 самолетов, советская авиационная группа лишилась 2 самолетов<sup>118</sup>. Всего в боях с 22 по 26 июня включительно противник потерял 64 самолета<sup>119</sup>.

В течение июля и августа напряжение боев в воздухе не снижалось. За первую половину июля в нескольких воздушных боях японцы потеряли более 70 самолетов, потери советских сил составили 5 самолетов. Около 70 самолетов противника было уничтожено на протяжении нескольких дней августа<sup>120</sup>.

Помимо напряженности и значительных потерь с обеих сторон, воздушные бои на Халхин-Голе характеризовались масштабностью, большой продолжительностью, участием в них крупных сил авиации сторон. Так, 15 сентября 1939 г. в бою участвовало 392 самолета. С 22 мая по 19 августа советские летчики уничтожили 355 вражеских самолетов, из которых 320 было сбито в воздушных боях. В последующем и до конца событий на реке Халхин-Гол враг потерял еще свыше 290 самолетов, из них в воздушных боях — 270<sup>121</sup>.

Всего в ходе крупных воздушных боев и сражений общие потери японской авиации составили около 660 боевых самолетов<sup>122</sup>.

«Часто я вспоминаю, — писал Г. К. Жуков, — с солдатской благодарностью замечательных летчиков товарищей С. И. Грицевца, Г. П. Кравченко, В. М. Забалуева, С. П. Денисова, В. Г. Рахова, В. Ф. Скобарихина, Л. А. Орлова, В. П. Кустова, Н. С. Герасимова и многих, многих других. Командир этой группы Я. В. Смушкевич был великолепный организатор, отлично знавший боевую летную технику и в совершенстве владевший летным мастерством»<sup>123</sup>.

Основным способом борьбы за господство в воздухе в районе Халхин-Гола явились бои и воздушные сражения между различными родами авиации сторон при решающей роли истребительной авиации. Взаимные удары противников по местам базирования носили эпизодический и ограниченный характер. Однако полученный опыт показал, что для достижения намеченной цели необходимо в комплексе использовать все рода и виды авиации, стремиться к уничтожению вражеской авиации как в воздухе, так и на аэродромах.

Борьба за господство в воздухе в боях на Халхин-Голе имела еще ряд особенностей. Так, здесь впервые в истории отечественной авиации в качестве самолетного вооружения были применены неуправляемые реактивные снаряды (РС-82). Несмотря на большое рассеивание и неточность стрельбы из-за несовершенства прицельного оборудования, их использование было весьма эффективным для нарушения

плотных боевых порядков больших групп бомбардировщиков противника. Японцы, как правило, не выдерживали таких ударов, строй их бомбардировщиков рассыпался, оборонительные возможности групп снижались, что создавало истребителям лучшие условия для уничтожения в воздухе оторвавшихся одиночных самолетов<sup>124</sup>. Так, истребители И-16, имевшие кроме обычного пулеметного вооружения реактивные снаряды калибра 82 мм, под командованием летчика-испытателя капитана Н.И. Звонарева уничтожили реактивным оружием 13 японских самолетов (3 бомбардировщика и 10 истребителей)<sup>125</sup>. В годы Великой Отечественной войны это новое средство широко использовалось в советской штурмовой авиации для уничтожения наземных объектов противника.

В ходе борьбы за господство в воздухе советское командование неожиданно для противника применило новые типы самолетов И-15 («Чайка») с убирющимися шасси и более мощным вооружением, что резко увеличило боевые возможности советской истребительной авиации, повысило эффективность ее применения.

Опыт боев на Халхин-Голе имел исключительно большое значение для определения наиболее целесообразной формы боевого использования советской авиации в интересах обеспечения операций наземных войск при совместных действиях с ними, для дальнейшего развития оперативного искусства ВВС. Прежде всего это касалось предназначения и принципов применения авиации. Опыт боевых действий на Халхин-Голе подтвердил целесообразность сосредоточения усилий авиации в интересах наземных войск, которые решали главную задачу разгрома противника. Основной ударной силой нашей авиации были бомбардировщики — 80% всех самолето-вылетов бомбардировочной авиации было произведено для уничтожения войск и техники противника на поле боя и в ближайшей глубине его обороны. Это привело к тому, что имевшееся первоначально превосходство японских войск в средствах борьбы было ликвидировано, и вражеская группировка оказалась разгромленной.

Что касается общих принципов использования авиации в наступательной операции в августе 1939 г., то следует сказать, что здесь впервые в боевых условиях проводилась непосредственная авиационная подготовка атаки крупными силами авиации, в процессе которой неоднократно наносились массированные удары по объектам обороны противника в ограниченном районе.

Так, перед наступлением советско-монгольских войск 20 августа 150 бомбардировщиков под прикрытием 144 истребителей нанесли массированный удар по оборонявшимся частям, артиллерии на огневых позициях, оборонительным сооружениям противника и его ближайшим резервам<sup>126</sup>. За 15 минут до окончания артиллерийской подготовки новая группа

бомбардировщиков в составе 52 самолетов в сопровождении 167 истребителей нанесла еще один удар по тем же целям<sup>127</sup>. Эти мощные по своей силе и эффективности удары советской авиации деморализовали врага, в значительной мере снизили боеспособность японских войск и предопределили успешное начало операции.

В последующие дни советская авиация эшелонированными действиями групп различного состава наносила бомбоштурмовые удары по войскам и технике противника, активно поддерживая наступавшие войска. Для этого широко использовалась бомбардировочная и истребительная авиация.

Победа, одержанная на Халхин-Голе, была возможна благодаря высокому уровню морально-психологической подготовки советских и монгольских войск, в том числе и летно-технического состава. В боях на реке Халхин-Гол комиссар 150-го бомбардировочного полка батальонный комиссар М.А. Ююкин направил свой горящий самолет на скопление японских войск<sup>128</sup>.

Боевые действия на Халхин-Голе оказали влияние на развитие материальной части советских Военно-воздушных сил. В частности, обнаружилась несостоятельность теории о взаимодействии маневренных и скоростных истребителей. Подтвердился опыт боев в Испании, свидетельствовавший о том, что главное для истребителя в воздушном бою — скорость, а не маневренность, это привело к отказу от строительства маневренных истребителей-бипланов, уступавших по скорости истребителям-монопланам<sup>129</sup>. Была признана важность радиосвязи для истребителей, необходимость легких и надежных радиостанций для бомбардировщиков (в японской авиации они были и на истребителях: приемно-передающие — у командиров звеньев и выше, приемные — на самолетах рядовых летчиков). Благодаря срочно принятым мерам к началу Великой Отечественной войны все новые советские истребители ЛаГГ-3, МиГ-3, Як-1 были оснащены современными приемно-передающими радиостанциями.

10 июля 1940 г. было опубликовано сообщение ТАСС следующего содержания: «В Японии агентство Домей Цусин сообщило по радио, что в связи с третьей годовщиной японо-китайской войны отдел печати штаба японской армии опубликовал официальное сообщение об итогах военных действий в Китае за три года. В этом сообщении наряду с данными об итогах военных действий в Китае объявлено, что „на границе Манчжоу-Го и Внешней Монголии японские самолеты сбили 1340 советских самолетов и 30 советских самолетов уничтожили на земле“, и далее указано, что японцы на границе Манчжоу-Го и Внешней Монголии потеряли 138 самолетов. ТАСС уполномочен заявить, что приведенные выше „данные“ отдела печати штаба японской армии не только не соответствуют действительности, но являются еще смехотворными. На самом деле, по официальным

данном Генштаба Красной Армии, японцы за время конфликта на границе МНР и Манчжоу-Го в районе Халхин-Гола с 15 мая по 30 августа 1939 г. потеряли 589 самолетов. Монголо-советская авиация за этот же период потеряла 106 самолетов. Кроме того, за время с 30 августа по 15 сентября 1939 г. монголо-советской авиацией был сбит еще 71 японский самолет. Монголо-советская авиация потеряла за тот же период 37 самолетов. Всего за время конфликта на границе МНР и Манчжоу-Го японцы потеряли 660 самолетов, а потери монголо-советской авиации составили 143 самолета<sup>130</sup>. Как бы то ни было, однако воздушные бои и сражения на территории Халхин-Гола показали возросшее значение применения авиации в современных операциях.

11 июля 1936 г. Председатель Совнаркома Союза ССР В. М. Молотов направил Председателю Совета министров Монгольской Народной Республики телеграмму следующего содержания: «От имени правительства СССР приношу в Вашем лице искренние поздравления правительству Монгольской Народной Республики по случаю 15-й годовщины самостоятельного государственного существования Вашей страны. Правительство Советского Союза с чувством удовлетворения отмечает, что дружественные отношения между нашими странами, начало которым было положено в 1921 году, оставались за истекшие 15 лет неизменными, что способствовало созданию благоприятных условий для мирного развития Монгольской Народной Республики, а также для укрепления мира на Дальнем Востоке»<sup>131</sup>.

В свое время руководитель японских коммунистов Сен Катаяма вынашивал идею «воссоединения всех монгольских племен в одну самостоятельную федеративную республику, с ближайшим курсом на советизацию и с отдельной перспективой вхождения в СССР»<sup>132</sup>. Большевицкое руководство СССР неоднократно высказывалось за осуществление «великого восточного союза республик, который совместил бы в себе идеи коммунизма и буддизма», идеи объединения монгол от Забайкалья и Хотана и Тибета в одну Великую Монголию<sup>133</sup>. Н.И. Бухарин говорил о необходимости создания всемирной федерации из 430 млн китайцев, 130 млн граждан СССР и 200 млн человек, проживавших в Индии<sup>134</sup>. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин считал Монголию серьезным аванпостом поступления революционных идей в Тибет, Китай, Индию<sup>135</sup>. Большевицкие власти не оставляли своим вниманием Монголию. Так, по свидетельству начальника Разведуправления Штаба РККА Я. К. Берзина, сотрудник управления Я. Г. Блюмкин, известный своей причастностью к убийству Мирбаха, находясь в Монголии, в Урге, в Монгольской армии, «разлагающе действовал на монгольских партийных работников», что, по мнению Я. К. Берзина, могло отразиться на боеспособности Монгольской армии<sup>136</sup>. Как информатор Я. Г. Блюмкин был отозван из Мон-

голии. Сведения о состоянии МНР в центр, в Москву, направлял в те годы начальник Штаба МНА Кангелари, который в конце 1920-х гг. достаточно критически характеризовал Чойбалсана, предпочитавшего политическую работу военному делу<sup>137</sup>.

В 1930-х гг. происходили постоянные столкновения на границе Маньчжурии и Монгольской Народной Республики: в районах Халхин-Сумэ (территория халхинских монголов), озера Буир-Нор. В связи с этими инцидентами газета «Правда» 10 июля 1935 г. сообщала: «Захватнические аппетиты японской военщины не знают никаких пределов. Грабительский характер японской политики выступает все яснее и яснее наружу. Японская военщина в Маньчжурии затевает все более рискованные авантюры. Может, однако, случиться, что зарвавшиеся инспираторы этих авантюр сломают себе шею»<sup>138</sup>.

9 декабря 1935 г. «Правда» писала: «Народно-революционная партия и трудовые аратские массы Монголии должны быть готовы к тому, чтобы отразить четвертую попытку японской военщины захватить их страну. Впрочем, токийское правительство хорошо осведомлено о том, какую опасную для него авантюру представляет осуществление этой угрозы. Можно поэтому надеяться, что оно вовремя одернет зарвавшуюся квантунскую военщину»<sup>139</sup>. 23 декабря 1935 г. исполняющий обязанности Председателя Совета министров и министра иностранных дел МНР Чойбалсан направил по телеграфу министру иностранных дел Манчжоу-Го ноту протеста по поводу «нападений японо-маньчжурских частей на МНР»<sup>140</sup>. 2 января 1936 г. в интервью Председателя Совета министров МНР господина Гендуна московскому корреспонденту «Ассошиэтед Пресс» в Улан-Баторе подчеркивалось: «Я думаю, что подготовка к захвату МНР имеет, прежде всего, целью ликвидацию нашей независимости и превращение нас во второе Манчжоу-Го, откуда легче будет готовиться к дальнейшим нападениям на Китай и СССР. Мы не хотим быть втянутыми ни в какие чужие комбинации, мы защищаем и будем защищать свои собственные границы и свою независимость»<sup>141</sup>.

12 марта 1936 г. в городе Улан-Батор-Хото был подписан «Протокол о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой», в котором подчеркивалось, что правительства СССР и МНР «решили оформить в виде настоящего Протокола существующее между ними с 27 ноября 1934 г. джентльменское соглашение, предусматривающее взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а также оказания друг другу помощи и поддержки в случае нападения какой-нибудь третьей стороны на Союз Советских Социалистических Республик или Монгольскую Народную Республику...»<sup>142</sup>.

В Протоколе<sup>143</sup>, в частности, говорилось: «Правительства Союза Советских Социалистических

Республик и Монгольской Народной Республики обязуются в случае военного нападения на одну из договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь»<sup>144</sup>.

В ходе отражения агрессии и разгрома японских войск советские и монгольские воины проявили героизм и взаимную выручку. Так, уже в первых боях мужественно сражались воины 6-й кавалерийской дивизии под командованием майора Ч. Шарийбу и советского отряда во главе со старшим лейтенантом А. Э. Быковым. Когда на рассвете 28 мая 1939 г. японцы при поддержке авиации атаковали советские войска на границе, с ними в бой вступила советская саперная рота, контратаку которой метким пулеметным огнем поддержали монгольские воины. Командир 27-го полка 6-й кавалерийской дивизии Монгольской Народной армии Л. Дандар в конном строю трижды водил своих цириков в атаку и взял в плен 14 японцев. Отважно сражался командир взвода Зандуй, метко стреляли по противнику командир расчета противотанкового орудия Дорж и наводчик Шамба. Когда от вражеского снаряда погиб пулеметный расчет, за пулемет лег командир роты Бадай и открыл огонь по врагу. Успешно действовал бронедивизион 6-й кавалерийской дивизии. Не раз водил свой броневую автомашину в атаку монгол Д. Хаянхирва, раненый, он сумел отремонтировать свою подбитую машину и вырваться из окружения. 28 мая пример мужества и бесстрашия показывали советские инструкторы, сражавшиеся бок о бок с монгольскими воинами. Так, инструктор 8-й кавалерийской дивизии МНА капитан И. М. Афонин лично руководил действиями артиллерии и помог монгольским частям выйти из окружения. Инструктор бронедивизиона 6-й кавалерийской дивизии МНА майор И. Ф. Криченко в тот же день вместе с дивизионом шесть раз ходил в атаку и выполнял боевую задачу.

Особенно отличились монгольские воины в ходе боев в районе горы Баин-Цаган. Стремительной атакой танкистов 11-й танковой бригады, поддержанных 7-й мотоброневой бригадой, 24-м мотострелковым полком и 6-й кавалерийской дивизией МНА, обходящая группа противника в районе Баин-Цаган была полностью разгромлена. Отлично воевали цирики бронедивизиона 6-й кавалерийской дивизии МНА. Несколько раз водил в конную атаку своих бойцов командир 23-го полка 6-й кавалерийской дивизии МНА майор Ч. Дугаржав. При этом особенно успешно действовали командир 1-го эскадрона Бата, командир взвода Санжмятав и многие другие. находчивость и смелость проявили советские и монгольские воины во время переправы по затопленному на 30–40 см (в целях маскировки) понтонному мосту, по которому им удалось перебросить на восточный берег боевую технику и продовольствие.

Монгольские войска выполнили огромную работу по подготовке и оборудованию командных и наблюдательных пунктов, по поиску бродов и выбору

пунктов для понтонных переправ, оборудованию подъездных путей, организации четкой комендантской службы на переправах. Примеры взаимовыручки в бою, мужества, стойкости продемонстрировали монгольские воины в самых ожесточенных августовских боях 1939 г. 20 августа на левом фланге 6-я кавалерийская дивизия МНА под командованием Л. Данджара во взаимодействии с советскими танкистами разгромила два баргутских кавалерийских полка и к исходу дня вышла к госгранице. В ночь на 26 августа группа ночных легких бомбардировщиков Монгольской Народной армии совместно с советской авиацией атаковала позиции противника в районе Джин-Джин-Суме. Всего в боевых действиях участвовало 15 самолетов Р-5 МНА. 27 августа к исходу дня Южная группа советско-монгольских войск овладела всеми укреплениями на южном берегу реки Хайластан-Гол, притока Халхин-Гола, и укрепились на северном берегу.

Оценивая вклад цириков в победу на Халхин-Голе маршал Х. Чойбалсан говорил: «Наш народ и вы его верные сыны — в районе реки Халхин-Гол одержали большую победу. Вместе с бойцами Красной Армии вы очистили вашу землю от злейшего врага монгольского народа — японских захватчиков... Советский народ не один раз на деле доказал свою заботу о нашей революционной стране. Если бы не было помощи Страны Советов, то на нашей земле давно бы хозяйничали японские грабители. Сейчас, когда враг уничтожен, наш первый привет, наша первая революционная благодарность великому советскому народу, его могучей непобедимой Красной Армии»<sup>145</sup>.

Даже после разгрома окруженных частей 6-й японской армии противник утром 4 сентября бросил два пехотных батальона из вновь подошедшей японской дивизии и попытался захватить высоту Эрис-Улайн-Обо. Однако совместным ударом двух эскадронов кавалерийской дивизии МНА, советского танкового и разведывательного батальонов противник был отброшен, потеряв убитыми свыше 350 человек. Монгольские кавалеристы в конном строю успешно преследовали отходящего противника. Г.К. Жуков вспоминал: «...Мы, советские воины, были ... восхищены героическими подвигами монгольских бойцов и командиров»<sup>146</sup>. В боях на Халхин-Голе особенно отличились 36-я мотострелковая дивизия, 11-я танковая, 100-я авиационная бригады и 24-й стрелковый полк, которые были награждены советским правительством орденами Красного Знамени. Несколько сот красноармейцев, командиров и политработников Красной Армии были награждены орденами и медалями Монгольской Народной Республики.

«...Ни в какую сумму, ни в какие миллиарды нельзя оценить те многие тысячи жизней советских людей, которые были отданы за свободу и независимость нашего народа», — говорил в свое время

Первый секретарь ЦК Монгольской Народно-Революционной партии Ю. Цеденбал<sup>147</sup>. Более 400 монгольских воинов были награждены орденами и медалями, 6-я и 8-я кавалерийские дивизии удостоились монгольского ордена Красного Знамени. За заслуги в разгроме японских войск 6-й кавалерийской дивизии МНА было присвоено почетное звание имени Сухэ-Батора<sup>148</sup>. В феврале 1940 г. полпред МНР в СССР Самбу, бывший в 1935 г. председателем монгольской делегации по переговорам о ликвидации инцидента у Халхин-Сумэ, назвал РККА «могущественной, героической, великой, победоносной Рабоче-крестьянской Красной Армией»<sup>149</sup>.

Анализируя характер боевых действий на реке Халхин-Гол, можно сделать вывод об их несомненном влиянии на развитие военного искусства. Они явились образцом сотрудничества армий двух государств, объединенное командование продемонстрировало умение решать сложные задачи.

На Халхин-Голе впервые были применены в массовом масштабе и притом вполне современные танки и самолеты. В отдельных боях число машин исчислялось сотнями, а в решительные моменты боя в воздух поднималось до 300 самолетов<sup>150</sup>. Анализ замысла, подготовки и осуществления советско-монгольским командованием августовской операции свидетельствует о том, что, несмотря на чрезвычайно сложные условия, в ней были достигнуты эффективные результаты: в короткий срок было подготовлено, успешно осуществлено и завершено окружение и полное уничтожение крупной группировки противника.

В районе реки Халхин-Гол советскими войсками была осуществлена армейская наступательная операция по окружению частей 6-й японской армии в пустынно-степной местности. Вследствие незначительных размеров района глубина операции составляла 24 км, а ширина полос наступления войск ударных группировок — 20 км.

«Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, — докладывал Г. К. Жуков И. В. Сталину, — хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя, дисциплинирован, исполнителен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед „харакери“. Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону»<sup>151</sup>.

Следует подчеркнуть, что с военным искусством японцев еще до событий на реке Халхин-Гол советское военное руководство было знакомо по подробным отчетам и докладам советского военного атташе в Китае комбрига Иванова. В одной из своих совсекретных докладных записок на имя наркома обороны К. Е. Ворошилова он обращал внимание на следующие факторы:

«У нас считают японцев, так же как и немцев, сторонниками окружения и уничтожения. Однако на деле они этого не применяют, хотя были случаи такого положения, когда очень легко было окружить китайские части. Возникает сомнение, правильно ли мы понимаем работу Шлиффена и японскую школу окружения и уничтожения. Не являются ли широко распространяемые немецкие и японские труды и статьи об окружении дымовой завесой их действительного способа действий. Это требует дальнейшего изучения и проверки. Действия японцев характеризуются не стремлением к окружению, а потрясением возможно более широкого фронта и сковыванием всех резервов путем ряда ударов в нескольких районах, концентрацией главных сил на одном-двух направлениях. Такие удары автоматически создают угрозу обхода и окружения отдельных групп, но и доводятся до конца, чтобы противник начал отход, расстроился, и уже только потом в процессе отхода, а не на укрепленных рубежах, бить его по частям...»<sup>152</sup>

Иванов подчеркивал необходимость учитывать тот факт, что против одной японской дивизии должно быть сосредоточено не менее 60–65 тыс. бойцов, имеющих на вооружении до 30 тыс. винтовок, до 2 тыс. ручных и станковых пулеметов, до 150 гранатометов, бомбометов, минометов, а также до 240 среднекалиберных орудий, 25–30 зенитных орудий, 50–60 танков, 70–80 истребителей, до 30 бомбардировщиков. При невозможности сосредоточить такие силы лучше опираться на ряд оборонительных рубежей, огонь артиллерии и никаких контратак и наступления не проводить... Наступление организовывать только при условии сосредоточения превосходящих сил, без этого наступление захлебнется уже на второй день<sup>153</sup>.

Особого внимания заслуживают формы и методы проведения операции. Создание внешнего и внутреннего фронта для ликвидации окруженного противника явилось новым вкладом в дальнейшее развитие военного искусства. Успешное решение такой важной проблемы, как окружение и уничтожение противника, было достигнуто не численным превосходством, а благодаря высокому уровню военного искусства командиров всех степеней, хорошей боевой подготовке войск.

Тактическое умение советских войск оказалось на достаточной высоте, военная мысль дала блестящие образцы разработки плана и его осуществления. На Халхин-Голе была осуществлена операция по окружению и полному истреблению противника, которая всегда считалась достаточно сложной. Разгром японских войск на Халхин-Голе подтвердил в основном правильность существования в советской военной теории взглядов на ведение наступательных операций, и в частности глубокой операции<sup>154</sup>.

Августовская операция показала, что ее успешное проведение неразрывно связано с умелым маневрированием войск, применением контрударов, с завоеванием господства в воздухе, изоляцией рай-

она боевых действий от подходящих резервов противника и нарушением его коммуникаций. Вместе с тем опыт Халхин-Гола позволил сделать выводы о необходимости увеличения плотности артиллерии, о дальнейшем совершенствовании боевой техники и тактики наступательного боя. В итоге боевых действий был получен опыт организации управления всем ходом операции, работы штабов, тесного взаимодействия всех родов войск. С максимальным эффектом были использованы высокоподвижные бронетанковые части.

Военные действия у реки Халхин-Гол можно с полным основанием рассматривать с точки зрения их значения для дальнейшего развития военного искусства. Советские войска получили возможность в ходе боевых действий проверить на практике основные положения уставов и наставлений, выявить сильные и слабые стороны теоретических разработок советского военного искусства. Начатые сравнительно небольшими силами в мае 1939 г., боевые действия нарастали постепенно, а решающая операция, представлявшая значительный оперативно-тактический интерес, была проведена советско-монгольскими войсками в августе 1939 г. после сосредоточения необходимых сил и соответствующей подготовки. Размах операции, вследствие незначительных размеров района боевых действий, был небольшим, однако она была весьма поучительной с точки зрения искусства ее подготовки и проведения. Ее поучительность заключается, прежде всего, в оригинальной форме оперативного маневра.

Стратегическим замыслом операции предусматривалось двумя охватывающими ударами с флангов окружить и уничтожить японские войска, вторгшиеся на территорию МНР, не допустив их отхода в Маньчжурию. При этом в центре предусматривалось вести активные боевые действия, способствуя окружению и уничтожению противника. Характерной чертой операции на реке Халхин-Гол являлось создание внешнего фронта в процессе окружения и ликвидации противника, что было новым в военном искусстве. Советские войска, окружив противника, создали внутренний и внешний фронты окружения, это позволило организовать ликвидацию окруженных войск противника и противодействовать попыткам деблокировать их ударами извне. В Великой Отечественной войне эта форма оперативного маневра получила, как известно, дальнейшее развитие под Сталинградом, в Корсунь-Шевченковской и других операциях.

Командование 1-й армейской группы проявило высокое искусство не только в выборе нужной формы оперативного маневра, но и в определении направления главного удара и создании для этого группировок войск. Уступая противнику в численности живой силы, в результате перегруппировки командование сумело достичь решающего перевеса на участках нанесения главного удара. Воинские

группировки были нацелены на наиболее уязвимые места в обороне японо-маньчжурских войск — на фланги, которые оборонялись наименее стойкими частями баргутской (баргуты — жители Внутренней Монголии) конницы и маньчжурами. Этот опыт выбора направлений в нанесении ударов по слабым местам и концентрации сил и средств на участках прорыва в последующем нашел широкое применение. Как известно, в годы Великой Отечественной войны умелый выбор направлений для нанесения главных ударов и сосредоточение на избранных направлениях необходимых группировок войск имело решающее значение для успешного проведения операций.

Большую роль в успешном проведении августовской наступательной операции 1939 г. сыграла тщательно проведенная 20-дневная подготовка. Командование 1-й армейской группы одновременно с планированием операции и проведением мероприятий по ее всестороннему обеспечению уделяло большое внимание боевой подготовке частей и соединений. Ее проводили в реальных условиях боевой обстановки в соответствии с теми конкретными задачами, которые предстояло выполнить. Все занятия проходили с участием танков, артиллерии и авиации. На занятиях войска учились приемам ближнего боя, знакомились с тактикой противника. Отрабатывали вопросы взаимодействия<sup>155</sup>.

Наступательная операция советско-монгольских войск для противника началась неожиданно. Внезапность была достигнута в результате проведения комплекса мероприятий по оперативной маскировке, строгого выполнения требований скрытого управления войсками, дезинформации противника и борьбы с его воздушной разведкой.

Разработку плана операции вело строго ограниченное количество лиц. С приближением срока наступления круг лиц, посвященных в детали плана, расширялся. Красноармейцы и младшие командиры узнали о своих задачах за три часа до начала наступления.

В целях введения противника в заблуждение и сохранения в строжайшей тайне замысла подготовливаемой операции, Военным советом

1-й армейской группы советско-монгольских войск был разработан план оперативно-тактического обмана противника. Он предусматривал: мероприятия по скрытному передвижению и сосредоточению прибывавших из Советского Союза частей и соединений, конспирацию проводившихся перегруппировок сил и средств, находившихся в обороне восточнее реки Халхин-Гол, а также переправ войск и материальных запасов через реку; проведение рекогносцировок исходных районов, участков и направлений для расположения и действия войск; особо секретную постановку задач всем войскам, участвовавшим в предстоящей операции; проведение скрытной доразведки авиацией и всеми родами сухопутных войск; вопросы дезинформации противника с целью введения его в заблуждение.

Неожиданным для японского командования оказалось и направление главного удара, который планировалось нанести по левому флангу обороны противника. Такое решение было обусловлено двумя факторами: во-первых, противник считал, что наиболее вероятным будет удар советских войск с севера; во-вторых, нанести главный удар на южном участке было удобно и потому, что наши войска здесь занимали наиболее выгодное положение, так как, заняв исходное положение фронтом на север, они имели возможность прямолинейным движением на северо-восток быстро охватить фланг врага и кратчайшим путем выйти ему в тыл.

Сосредоточение войск фланговых ударных группировок и выход их в исходные районы для наступления осуществлялись в ночь с 19 на 20 августа, то есть накануне начала операции. С этой целью широко применялись технические средства маскировки, громкоговорящие звуковые установки, а также скрытое расположение войск и боевой техники в заблаговременно подготовленных укрытиях.

Военный совет 1-й армейской группы, политотделы соединений советско-монгольских войск издали тысячи листовок, ряд памяток бойцу в обороне, которые подбрасывались противнику. Была разработана и осуществлена серия мероприятий по дезинформации противника по радио и во время телефонных переговоров, которые в основном сводились к вопросам инженерного оборудования участков и полос обороны частей и соединений с учетом подготовки их к осенне-зимней кампании.

Опыт оперативной маскировки войск, полученный в операции на Халхин-Голе, нашел широкое применение в годы Великой Отечественной войны. Важную роль в разгроме японских захватчиков на реке Халхин-Гол сыграла артиллерия. Ее группировка и методы огня в основном определялись положениями Полевого устава 1936 г. и Боевым уставом артиллерии РККА (часть II) 1937 г. В дивизиях по числу стрелковых полков создавались группы поддержки пехоты, а в центральных и южных группах, кроме того, и группы дальнейшего действия. Теоретические положения по созданию таких группировок были проверены практикой боев на Халхин-Голе и получили дальнейшее развитие в годы Великой Отечественной войны. Почти до конца 1944 г. группировки артиллерии создавались в основном по тем же принципам, что и в операции на Халхин-Голе.

В ходе боев в Монголии выявилась необходимость совершенствования методов и видов огня артиллерии. Практика боев настоятельно потребовала проведения артиллерийской поддержки пехоты и танков. После этого уже в проекте Полевого устава 1940 г. было введено понятие «артиллерийская поддержка». В ст. 266 Устава указывалось: «Артиллерийская поддержка атаки обеспечивает бросок в атаку, захват переднего края и продвижение пехоты и танков». При прорыве обороны противника и бое

в глубине применялись различные виды огня. В зависимости от складывающейся обстановки применялся сосредоточенный огонь и осуществлялся маневр огнем артиллерии. Как в обороне, так и в наступлении широкое распространение получил огонь прямой наводкой всех систем вплоть до 152-миллиметрового калибра.

В соответствии со ст. 187 Полевого устава 1936 г. плотность артиллерии при прорыве обороны противника должна была составлять 30–35 орудий на 1 км фронта (без учета артиллерии группы дальнего действия). В боях на Халхин-Голе плотность артиллерии составляла только 3–5 орудий. В ходе боев выявилась настоятельная необходимость массированного применения артиллерии, увеличения плотности артиллерии на 1 км участка прорыва обороны противника. Поэтому, учитывая опыт боев с японскими захватчиками в МНР, в Полевом уставе пехоты 1939 г. рекомендовалось создавать плотность артиллерии в 35–60 орудий и минометов.

На основе опыта боев на Халхин-Голе советская военная теория правильно определяла роль артиллерии в современном бою. Это положение было записано уже в проекте Полевого устава 1939 г., в котором в ст. 285 указывалось: «Артиллерийская подготовка является важнейшим средством обеспечения успеха предпринимаемой атаки». Таким образом, опыт Халхин-Гола в значительной мере способствовал дальнейшему развитию теории применения артиллерии в бою и операции<sup>156</sup>.

В области артиллерийского вооружения после Халхин-Гола также были сделаны соответствующие выводы. Так, 45-миллиметровая противотанковая пушка образца 1937 г., 76,2-миллиметровая полковая пушка образца 1927 г., 76,2-миллиметровая дивизионная пушка образца 1936 г., 122-миллиметровая пушка образца 1931/1937 гг., 152-миллиметровая пушка образца 1910/1934 гг. по таким основным показателям, как дальность стрельбы и мощность снаряда, превосходили близкие им по калибру японские орудия, но были тяжелее в боевом и походном положениях. Боевой опыт Халхин-Гола привел к интенсификации ведущихся работ, способствовал ускорению принятия на вооружение ряда артиллерийских орудий. Во время боевых действий на Халхин-Голе использовалось некоторое количество новых дивизионных 76-миллиметровых пушек образца 1936 г. (Ф-22), разработанных коллективом под руководством В.Г. Грабина. По сравнению с пушкой образца 1902/1930 г. новое орудие имело ряд преимуществ: благодаря раздвижным станинам угол горизонтального обстрела составлял 60 градусов, угол возвышения — 75. Впервые примененный полуавтоматический клиновый затвор позволил довести скорострельность до 20 выстрелов в минуту (ранее было 6 выстрелов в минуту)<sup>157</sup>.

В боях против японцев пушка Ф-22 показала себя надежной и эффективной. Однако были выяв-

лены и отдельные недостатки: она была тяжела, и ее передвижение в боевых условиях силами расчета было затруднительно. Кроме того, Ф-22 отличалась сложностью в производстве и обслуживании. Исходя из опыта Халхин-Гола, пушка образца 1936 г. подверглась существенной модернизации. Новая 76-миллиметровая пушка образца 1939 г. (УСВ), разработанная под руководством В. Г. Грабина, была несколько легче, увеличилась и ее скорострельность. Дальнейшие работы по совершенствованию дивизионной пушки привели к созданию 76-миллиметровой пушки образца 1942 г. (ЗИС-3), ставшей самым массовым орудием Красной Армии во время Великой Отечественной войны.

В боях против японских войск советские войска успешно использовали 82-миллиметровые батальонные минометы образца 1937 г. Они оказались особенно эффективными для поражения пехоты противника в окопах и на обратных склонах высот. Опыт Халхин-Гола способствовал их дальнейшему внедрению в Красной Армии.

Недостаточно эффективной против штурмующих японских самолетов (в основном, истребителей) оказалась 76-миллиметровая зенитная пушка образца 1931 г., прежде всего из-за низкой скорострельности по целям с большими угловыми скоростями перемещения, а также недостаточной маневренности орудия: относительно низкой скоростью при транспортировке, большими затратами времени для перевода из боевого положения в походное и обратно.

В целом следует отметить, что боевой опыт, полученный на Халхин-Голе, во многом способствовал ускорению процессов разработки и принятию на вооружение в 1939–1940 гг. более совершенных артиллерийских и зенитных орудий. Важное значение имел опыт боев для совершенствования стрелкового оружия, в частности 7,62-миллиметровой винтовки образца 1891/1930 гг. Требования, предъявляемые к стрелковому оружию, заключались в сокращении его массы и уменьшении длины. Штык при этом должен быть отъемным или неотъемно-откидным. Указанные рекомендации были учтены советскими конструкторами-оружейниками. Ручной пулемет конструкции В. А. Дегтярева (ДП-27) в целом зарекомендовал себя с положительной стороны. Пулемет «максим» в 1939 г. был заменен 7,62-миллиметровым станковым пулеметом воздушного охлаждения конструкции В. А. Дегтярева образца 1939 г. (ДС-39)<sup>158</sup>.

Опыт боевых действий советских войск в 1939 г. позволил определить наиболее целесообразное построение боевого порядка в полках и дивизиях. Наступательный бой полков и дивизий на Халхин-Голе в основном организовывался в соответствии с требованиями Полевого устава 1936 г. Но в дивизиях боевой порядок практически не подразделялся на ударную и сковывающие группы, как это предусматривалось в Уставе 1936 г. В дальнейшем, учитывая опыт боев на Халхин-Голе, в проекте Полевого устава

1941 г. положение о делении на ударную и сковывающую группы было изъято. Практика боевых действий показала нецелесообразность построения дивизий в один эшелон. При таком построении командиры дивизий не имели возможности наращивать силу удара в глубине обороны противника<sup>159</sup>.

Г. К. Жуков вспоминал, что, как показал опыт сражения в районе Баин-Цаган, танковые и механизированные войска, умело взаимодействующие с авиацией и подвижной артиллерией, являются решающим средством для осуществления стремительных операций с решительной целью<sup>160</sup>. В ходе боевых действий в районе Халхин-Гола танки применялись для решения не только тактических, но и оперативных задач. Хотя танковые бригады еще не выделились в эшелон развития успеха, они все же являлись основным средством охвата флангов противника и играли ведущую роль в окружении главной группировки его войск.

В целом боевые действия советских войск в предвоенный период по своим масштабам носили ограниченный характер и не позволили всесторонне проверить теоретические положения глубокой наступательной операции — одновременное поражение противника на всю оперативную глубину его обороны, для чего предполагалось использовать высокие боевые качества артиллерии, танковых и механизированных войск, авиации и воздушно-десантных соединений.

В ходе боев 20–31 августа 1939 г. был получен также опыт автомобильных перевозок в дальневосточных условиях. События на реке Халхин-Гол с особой наглядностью подтвердили то, что управление войсками представляет собой сложный комплекс мероприятий, проводимый командующими (командармами), штабами по подготовке, организации и ведению боевых действий. Особое внимание советским командованием было обращено на выводы, касавшиеся управления войсками и достижения внезапности при подготовке и переходе советско-монгольских войск в наступление. Полученный на Халхин-Голе опыт личной постановки задач, маскировки и дезинформации, а также скрытного сосредоточения войск впоследствии широко использовался в годы Великой Отечественной войны.

Боевые действия на Халхин-Голе подтвердили высокую эффективность организации работы командиров и штабов на местности. Уточнение на местности принятого по карте решения на бой проводилось преимущественно в ходе рекогносцировки, в содержание которой стал вкладываться новый смысл. Летом 1939 г. многие командиры на проводимых рекогносцировках с учетом местности (ее проходимость, удобства для наблюдения и т.д.) стали решать другие вопросы, в том числе сосредоточения основных усилий, построение боевых порядков. Важные задачи в достижении успеха рекогносцировки выполнял общевойсковой штаб, который отрабатывал

план рекогносцировки, организовывал сбор и выезд командиров в намеченный район. Характерно, что к участию в рекогносцировке командирами привлекались в большинстве случаев начальники штабов родов войск и специальных войск.

Особо важной и ответственной стала работа на местности по организации взаимодействия, причем наметилась тенденция к тому, что ее возглавлял командир, а не штаб, как это определялось Временным наставлением по полевой службе войсковых штабов 1936 г. Штаб же готовил рабочую карту с принятым решением и намеченным порядком взаимодействия, уточнял расчеты, последние данные обстановки и предложения начальников родов войск, определял ориентиры, нумерацию целей, сигналы и порядок поддержания связи, то есть выступал в роли основного организатора взаимодействия. В последующие годы на основе этого опыта штабами стали отрабатываться такие документы по взаимодействию, как проекты плановой таблицы боя, схема взаимодействия. Внимание командиров и штабов при организации управления войсками в целях повышения оперативности управления было сосредоточено на практике деления состава полевого управления на три эшелона. При подготовке августовской наступательной операции на западном берегу реки Халхин-Гол на горе Хамар-Дабла создавался командный пункт (первый эшелон) в составе командующего, части офицеров штаба, начальников родов войск (специальных войск). Второй эшелон штаба размещался в 20 км от первого, в него вошли отделы кадров, строевой и др.

Органы управления тыловыми частями и учреждениями (третий эшелон) были развернуты в 80–100 км от командного пункта. Для того времени это было новым явлением в организации управления войсками для оперативных инстанций. Выделение командных пунктов в последующем нашло отражение в уставах и применялось в годы Великой Отечественной войны<sup>161</sup>.

Был распространен также опыт инженерного оборудования пунктов управления. На основе боевой практики отработывался, в частности, расчет оборудования (по объему выполняемых работ и времени) блиндажей, укрытий и других инженерных сооружений применительно к армейскому звену. Пропагандировался опыт проведенных мероприятий по соблюдению требований скрытого управления войсками: применение переговорных таблиц и кодовых сигналов, организация радиоконтроля, отработка правил радиообмена и т. д.

Опыт организации связи получил распространение прежде всего с точки зрения установления радиосвязи между командирами танковых (мотоброневых) бригад и авиационных полков. Были проанализированы причины низкой устойчивости связи при ведении войсками боевых действий в оперативной глубине. В итоге был сделан вывод о необходимости иметь прямую радиосвязь авиации с бронетанковыми (или кавалерийскими) частями и даже подразделениями. Тогда же в Главном управлении связи были пересмотрены штаты частей (подразделений) связи и нормы снабжения их радиосредствами.

*К Востоку нужно подходить строго научно, без европейского чванства... Еще вопрос, кто разгадал загадку о человеческом счастье — Запад или Восток, кто больше испытал до дна чашу человеческих испытаний и горя...*

*А.Е. Снесарев*

## Заключение

### «Русский Восток вводит нас в кругооборот крупных грядущих событий...»

**В** своем исследовании об И.В. Сталине Д. А. Волкогонов отметил опасный характер халхингольских событий: «Блистательный Халхин-Гол, когда летом 1939 г. Жуков разгромил целую японскую армию, а осенью приказ Мерецкова — ввести войска в Финляндию. После разгрома японцев никто всерьез не отнесся к подготовке операции в Финляндии. И обожглись...»<sup>162</sup>

Выступая в Кремле 5 мая 1941 г. с речью перед выпускниками военных академий, И.В. Сталин подчеркнул, что, по его мнению, опыт Хасана и Халхин-Гола не имеет большого значения, ибо пришлось иметь дело не с современной армией. Надо изучать опыт войны на Западе, опыт советско-финляндской войны.

В секретном Постановлении секретариата Исполнительного комитета Коммунистического интернационала «Некоторые указания для усиления

работы японских коммунистов» от 5 ноября 1939 г. (Москва) говорилось: «Развал антикоминтерновской оси в результате заключения договора о дружбе между СССР и Германией и обстановка войны между империалистами в Европе делают позицию японского милитаризма более трудной и неустойчивой. Сама японская военщина уже, по-видимому, перестала верить в возможность успешной войны против Советского Союза после суровых уроков боев у озера Хасан и на монголо-маньчжурской границе»<sup>163</sup>.

В то время как на Халхин-Голе гремели бои, на дипломатическом фронте, практически уже в канун Второй мировой войны, обострились отношения между ведущими мировыми державами, касающиеся как политики в Европе, так и на Дальнем Востоке.

21 июня 1939 г. ТАСС объявлял вымыслом сообщение некоторых немецких газет о том, что «будто бы в переговорах с Англией и Францией Советское правительство настаивает на гарантировании своих дальневосточных границ и это является препятствием к заключению соглашения»<sup>164</sup>.

14 августа 1939 г. ТАСС опроверг сообщение польской газеты «Иллюстрированы Курьер Цодзенны» о том, что «Рузвельт, якобы в своем письме, переданном Молотову послом Штейнгардтом, предлагает сотрудничество с Советским Союзом на Дальнем Востоке против японской экспансии и обещает гарантии Америки Советскому Союзу на случай войны с Японией при условии подписания Советским Союзом военного союза с Англией и Францией, а также и экономическую помощь Китаю в борьбе против Японии и что якобы для обсуждения этих вопросов Рузвельт готов послать в Москву специальную делегацию после подписания Советским Союзом пакта с Англией и Францией»<sup>165</sup>.

Еще в 1930-х гг. в беседе с корреспондентом газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн» господином Барнес И. В. Сталин, высказываясь по дальневосточному вопросу, подчеркивал: «...к сожалению, очень трудно уловить существо дальневосточной политики САСШ. Что касается Советского Союза, то он придерживается и будет придерживаться твердой политики сохранения мира как с Японией, так и с Маньчжурией и вообще — Китаем... Нет ничего легче, как убедить народы обеих стран во вреде и преступности взаимного истребления. Но, к сожалению, не всегда вопросы мира и войны решаются народами... Что касается СССР, то едва ли нужно еще доказывать, что народы СССР, как и правительство СССР, — хотят, чтобы вооруженное столкновение между обеими странами ни при каких обстоятельствах не могло иметь место...»<sup>166</sup>.

20 августа 1939 г. появилось еще одно опровержение ТАСС: «В последние дни польские газеты „Польска збройна“, „Экспресс поранны“, „Курьер варшавски“ опубликовали сообщение о разногласиях, возникших в ходе переговоров в Москве между советской военной делегацией, с одной стороны,

и французской и английской военной миссиями — с другой, в связи с тем, что СССР якобы требует военной помощи Англии и Франции на случай войны на Дальнем Востоке...»<sup>167</sup>.

14 сентября 1939 г. ТАСС опроверг появившуюся информацию, что будто бы «советско-монгольские войска после успешных операций заняли значительную часть маньчжурской территории». ТАСС заявлял, что «советско-монгольские войска ни одного вершка маньчжурской территории не занимали, не занимают и не думают занимать, а указанное сообщение Рейтера является вымыслом»<sup>168</sup>.

16 сентября 1939 г. ТАСС сообщал о наконец-то достигнутом «Советско-японском соглашении по поводу конфликта на монголо-маньчжурской границе». В нем говорилось: «В результате происходивших в последние дни переговоров между японским послом господином Того и народным комиссаром иностранных дел В.М. Молотовым обе стороны, то есть японо-манчжоугоская и советско-монгольская, пришли к следующему соглашению: 1. Японо-манчжоугоские войска и советско-монгольские войска прекращают 16 сентября в 2 часа по московскому времени всякие военные действия. 2. Японо-манчжоугоские войска и советско-монгольские войска остаются на занимаемых ими 15 сентября в 13 часов по московскому времени линиях. 3. Представители войск обеих сторон на месте немедленно приступают к выполнению п.п. 1 и 2 настоящего соглашения. 4. Пленные и трупы обеих сторон подлежат обмену, о чем представители войск обеих сторон на месте немедленно договариваются между собою и приступают к исполнению. Кроме того, в переговорах между господином Того и В.М. Молотовым достигнуто соглашение о том, что в целях уточнения границы между Монгольской Народной Республикой и Манчжоу-Го в районе недавнего конфликта будет организована возможно скорее комиссия из двух представителей советско-монгольской стороны и двух представителей японо-манчжоугоской стороны. Комиссия приступит к своей работе тотчас же по ее образованию»<sup>169</sup>.

20 ноября 1939 г. последовало сообщение Наркоминдела о создании смешанной комиссии для уточнения границы между Монгольской Народной Республикой и Манчжоу-Го. Комиссия должна была приступить к работе в городе Чита, проведение второй половины заседаний комиссии было запланировано в городе Харбин. Кроме того, между В. М. Молотовым, официально выступавшим «по уполномочию правительств СССР и Монгольской Народной Республики», и японским послом в Москве господином Того состоялся обмен мнениями об основных принципах, «которые должны быть положены в основу советско-японского торгового соглашения. Обмен мнениями показал наличие общности взглядов по этому вопросу»<sup>170</sup>.

9 января 1940 г. было заключено совместное коммюнике смешанной комиссии по уточнению гра-

ницы между Монгольской Народной Республикой и Манчжоу-Го<sup>171</sup>. По поводу «Совместного коммюнике смешанной комиссии по уточнению границы между Монгольской Народной Республикой и Манчжоу-Го» 1 февраля 1940 г. было опубликовано «Примечание ТАСС», в котором говорилось: «Ввиду того, что представленные японо-манчжоугоской стороной документы, имеющие целью обосновать пересмотр давно существовавшей и ранее никем не оспаривавшейся линии границы, оказались лишенными признаков авторитетных официальных документов, советско-монгольская делегация отказалась признать эти документы в качестве основы для уточнения границы. Ввиду отказа японо-манчжоугоской стороны признать представленные советско-монгольской стороной авторитетные официальные документы и ввиду того, что стороны остались при своих мнениях, смешанная комиссия разъехалась, не приняв общего согласованного решения»<sup>172</sup>.

20 апреля 1940 г. последовало очередное опровержение ТАСС по поводу вопроса о соглашении между СССР и Японией. В нем говорилось: «Японская печать, в связи с недавним приемом японского посла господина Того народным комиссаром внешней торговли А. И. Микояном по вопросам советско-японской торговли, распространяет слухи о том, что СССР ищет соглашения с Японией любой ценой, чтобы освободить руки на юго-востоке и вообще в Европе. ТАСС уполномочен заявить, что эти слухи совершенно не соответствуют действительности и являются смехотворными, так как японцы не могут не понимать, что ввиду известной обстановки на Дальнем Востоке именно они, прежде всего, нуждаются в соглашении с СССР, а не наоборот»<sup>173</sup>.

9 июня 1940 г. было достигнуто соглашение об уточнении монголо-маньчжурской границы — «по вопросу об уточнении границы в районе прошлогоднего конфликта, — по вопросу, который в свое время не был разрешен советско-монгольской и японо-маньчжурской смешанной комиссией по уточнению границы в упомянутом районе и служил препятствием к урегулированию взаимоотношений СССР с Японией, а также МНР с Манчжоу-Го»<sup>174</sup>.

7 сентября 1940 г. японская газета «Хоци» распространила сообщение о якобы состоявшейся в конце августа беседе И. В. Сталина с германским послом графом Шуленбургом по вопросу о заключении соглашения между СССР, Германией, Италией и Японией и об аннулировании антикоминтерновского пакта. ТАСС опровергал это сообщение, заявляя, что И. В. Сталин за последние шесть–семь месяцев не имел никакой встречи с господином Шуленбургом»<sup>175</sup>.

19 октября 1940 г. последовало новое опровержение ТАСС в связи с утверждением японской газеты «Хоци» о якобы имеющемся решении «правительства СССР созвать в Москве конференцию 4 держав: СССР, Японии, Германии и Италии»<sup>176</sup>. 15 ноября 1940 г. ТАСС опроверг утверждение «Юнайтед Пресс»

о том, что «в дипломатических кругах сообщают, что Япония достигла соглашения с Советским Союзом, определяющего сферы влияния на Дальнем Востоке и предусматривающего прекращение помощи Чунцину со стороны Советского Союза»<sup>177</sup>.

16 ноября 1940 г. ТАСС вновь выступил с опровержением в связи с сообщением газеты «Нью-Йорк Уорлд телеграмм», в частности редактора иностранного отдела газетного треста «Скрипс» Говарда Симса, который утверждал, что будто бы японский посол в Москве Татекава предложил Советскому Союзу «всю или часть Британской Индии, если Советский Союз присоединится к коалиции трех держав», а также сделал предложение «об уступке Восточной Сибири Японии»<sup>178</sup>.

4 января 1940 г. последовало донесение исполняющего должность начальника отдела спецзаданий Генерального штаба Красной Армии полкового комиссара Соркина, военного комиссара отдела спецзаданий Генерального штаба Красной Армии полкового комиссара Потапова на имя наркома обороны Маршала Советского Союза Ворошилова. В нем говорилось: «Представляю перечень вопросов по реформированию Монгольской армии, поставленных Чойбалсаном и Жуковым в телеграмме на Ваше имя. Численный состав МНРА после реформирования останется прежний — 18 400 человек»<sup>179</sup>.

10 марта 1940 г. Председатель Военной коллегии Верховного суда Союза ССР армвоенюрист В. Ульрих подписал приговор бывшему председателю советско-монгольской делегации смешанной комиссии по уточнению государственной границы между МНР и Манчжоу-Го: М. А. Богданов был осужден на четыре года, а Б. В. Родов — член экспертной комиссии, заместитель директора Института востоковедения им. Нариманова — на два года. Они обвинялись в том, что «заняли соглашательскую, компромиссную позицию с Японией по уточнению границы с Манчжоу-Го»<sup>180</sup>. 13 апреля 1941 г. «в результате переговоров, происходивших в течение последних дней в Москве между Председателем Совнаркома СССР и народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым и министром иностранных дел господином Иосуке Мацуока», был подписан пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией, а также декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Манчжоу-Го. В переговорах принимали участие И. В. Сталин, а со стороны Японии — японский посол в Москве господин Татекава. 25 апреля 1941 г. император Японии ратифицировал пакт о нейтралитете между СССР и Японией и одобрил декларацию; в тот же день, 25 апреля 1941 г., Президиум Верховного Совета СССР также ратифицировал пакт о нейтралитете и одобрил декларацию. 17 июня 1941 г. на страницах газеты «Известия» было опубликовано «Коммюнике смешанной комиссии по уточнению границы между Монгольской Народной Республикой

и Манчжоу-Го в районе конфликта 1939 года». В нем говорилось: «На основании соглашения Молотов — Того в сентябре месяце прошлого года была начата работа на местности по уточнению границы между Монгольской Народной Республикой и Манчжоу-Го, но в связи с непредвиденными обеими сторонами техническими затруднениями с наступлением зимних холодов стороны вынуждены были временно прекратить работу. Весной текущего года было решено продолжить ее, в связи с чем в городе Чита с 28 мая вновь состоялись встречи обеих делегаций, в результате чего в весьма дружественной атмосфере были полностью устранены вышеуказанные технические затруднения и решено снова начать работу на местности с 27 июня 1941 г. Город Чита, 14 июня 1941 г.»<sup>181</sup>

В заключение вновь обратимся к мыслям русского геополитика А. Е. Снесарева, который говорил, что «Русский Восток своим дальним концом вводит нас в кругооборот крупных грядущих событий... К Востоку нужно подходить строго научно, без европейского чванства... Еще вопрос, кто разгадал загадку о человеческом счастье — Запад или Восток, кто больше испил до дна чашу человеческих испытаний и горя»<sup>182</sup>. А еще А. Н. Снесарев говорил о необходимости для России быть нейтральной мировой сверхдержавой.

\*\*\*

Официальный визит российского Президента Дмитрия Медведева в Монголию 25–26 августа 2009 года стал первым визитом российского лидера в эту страну. Так же впервые визит Д. Медведева был приурочен к исторической годовщине — славной дате 70-летия совместной победы над японскими агрессорами советских и монгольских воинов на реке Халхин-Гол. Наблюдатели сразу же связали историческую окраску визита с недавно созданной Президентом Комиссией по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. Действительно, в ходе визита с обеих сторон недвусмысленно звучало, что и Россия, и Монголия намерены решительно противостоять попыткам фальсификации истории и итогов Второй мировой войны. Д. Медведев счел недопустимыми разговоры, которые меняют суть победы в Великой Отечественной войне. По его словам, сегодняшние торжества, посвященные 70-летию совместной победы на Халхин-Голе, — это свидетельство памяти и уважения к тем героическим страницам, которые связали наши народы. Закаленная в боях на Халхин-Голе наша дружба прошла испытание временем, и сегодня мы ей по-прежнему дорожим.

Название небольшой реки Халхин-Гол на востоке Монголии стало известно миру в 1939 году — с мая по сентябрь там шли боевые действия между Красной и Квантунской армиями. Согласно советским источникам, многотысячная группировка Красной Армии, подкрепленная монгольскими войсками, про-

тивостояла превосходящей по численности армии Японии и Маньчжурии — марионеточного государства, оккупированного японскими войсками. С обеих сторон были задействованы сотни самолетов, танков и орудий. И хотя дипломатические отношения между СССР и Японией не были разорваны и война между странами официально не была объявлена, это была настоящая, жестокая война с многочисленными потерями. Советско-монгольским войскам противостояла мощная Япония и очень подготовленная армия.

Надо отметить, что, попав в начале XX века в сферу японских территориальных интересов, Монголия оказалась в весьма сложном, если не сказать, отчаянном положении. Что могла противопоставить аграрная страна с небольшим, по меркам Юго-Восточной Азии, населением рвущемуся к ее захвату гиганту, по тем же самым меркам, с развитой и милитаризованной экономикой и нацеленным на агрессию и войну обществом.

Япония динамично развивалась. Ее промышленная продукция с 1929 по 1936 год возросла в 1,7 раза, а продукция тяжелой промышленности — в 2,6 раза. Чугуна было выплавлено больше 2,8 млн тонн против 1,5 млн тонн в 1929 году, стали — больше 5,6 млн тонн, а в 1929 году ее выплавлялось около 2 млн тонн. Если к этому добавить ввозимые по экспорту товары из-за границы: железа — почти столько же, сколько и выплавлялось в стране; нефти — 90% от всей потребляемой в Японии; цветных металлов — 70% от используемых в промышленности, то картина экономического обеспечения военных приготовлений получится внушительной.

Уже тогда это не ускользало от внимания многочисленных наблюдателей. Профессор Х. Т. Эйдус, один из зачинателей отечественной японоведения, очевидец тех событий, писал: «...японское правительство направляет в тяжелую и военную промышленность максимальные средства, сильно ограничивая легкую промышленность и, в особенности, промышленность, работающую на внутренний рынок. Это придает японской промышленности однобокое, военное направление»<sup>183</sup>.

Сконцентрированный в Японии для военных нужд материальный ресурс был не единственным. Правительство не безуспешно принимало активные меры по созданию внутри страны воинствующих общественных настроений. Народу, войскам навязывалась агрессивная, националистическая идеология. «Маньчжурия — ответственнейший участок нашей игры. Она будет нашим отправным пунктом во время будущей мировой войны... уже начал разыгрываться решительный бой Японии как гегемона Восточной Азии с белой расой». Такими наставлениями, перехваченными советской разведкой еще в декабре 1933 года, оперировал японский генеральный штаб, готовя солдат к будущим сражениям за интересы империи вне ее границ. Армия, как известно, зеркально отражает общественные настроения.

С октября 1937 года Япония развернула кампанию по «мобилизации национального духа». По существу это была кампания по борьбе с антивоенными настроениями в стране. Но этим стремление правящих кругов Японии к сплочению нации вокруг военных целей не ограничилось. В декабре 1937 года были произведены аресты представителей левых партий и противников военных приготовлений. Всего за решетку было отправлено около 400 видных оппозиционеров. Позднее — новые аресты.

Общество притихло и согласилось. В японском парламенте оппозиция правительству перестала существовать, а политические партии, ранее громко заявлявшие свое несогласие с милитаризацией страны, с ее подготовкой к военной авантюре, стали всячески поддерживать политику правительства. Типичная для многих стран на Западе и Востоке метаморфоза тех лет, ныне получившая название тоталитаризма.

К моменту последовавших затем и описанных в этой книге событий на реке Халхин-Гол японская армия подошла весьма серьезно подготовленной профессионально и хорошо оснащенной. А о ее боевом духе, надеюсь, читатель уже смог сложить свое представление после главы этой книги: «Японская императорская армия: неприхотливость, агрессивность, фанатичный характер».

Что над Монголией нависли грозные тучи, указывала и международная ситуация. Нападение Японии в июле 1937 года на Китай не вызвало практически никакого международного резонанса, за исключением «моральной поддержки» Китая со стороны Лиги Наций да бездейственного неодобрения агрессии союзниками Китая по Вашингтонскому договору — США, Англией и другими.

В таких условиях Монголия ожидало весьма прогнозируемое будущее. Остановить ее завоевание Японией могло только чудо. Или Советский Союз. По Протоколу о взаимной помощи между СССР и МНР от 12 марта 1936 года обе стороны обязывались оказать друг другу военную помощь в случае военного нападения.

Было время, когда об этом документе и о последовавшей далее реальной военной помощи со стороны СССР советская пропаганда, да и историческая наука, весьма наивно высказались как об акте бескорыстной помощи со стороны братского, соседнего народа. Это не так. Испокон веков в истории, как и в политике и экономике, ничего не случалось и не случается при отсутствии интереса, хотя научная мысль смогла сформулировать понятия об интересе усилиями французских философов лишь в XVIII веке. Интерес может меняться, но он присутствует всегда и оплодотворяет все общественные процессы.

Советская разведка знала и докладывала о планах Японии в отношении Монголии, которая рассматривалась как промежуточный этап на пути дальнейшего военного продвижения на территорию СССР. Японский генштаб намеревался маршем из Монголии

ворваться в Уссурийскую и Амурскую области, захватить район Хабаровска и Приморский край. А дальше — Забайкалье и весь Советский Дальний Восток. СССР был кровно заинтересован в независимости и свободе соседа. Защищая Монголию, мы защищали себя. И, как себя, защитили Монголию. А монгольские воины, спасая свою страну, свою независимость, обеспечивали и территориальную и политические интересы Советского Союза.

Разгром Квантунской армии был сокрушительным, мы отбили все атаки численно превосходивших сил противника, напомнил Медведев. Наши армии доказали, что даже такого врага можно одолеть, и не только силой оружия, но и силой боевого братства. Президент подчеркнул, что победа изменила расклад в международной политике, заставила Японию не вступать в войну против Советского Союза на стороне фашистской Германии, что позволило в 1941-м году перебросить с дальнего Востока к Москве крупные силы войск, и именно эти войска сыграли важную роль в обороне столицы.

\*\*\*

Указом Президента Российской Федерации от 24 августа 2009 г. № 954 за большой вклад в укрепление дружбы между российским и монгольским народами и в связи с 70-летием совместной победы на Халхин-Голе орденом Дружбы награждены десять граждан Монголии — ветеранов войны. Сегодня все они, как говорится, на заслуженном отдыхе, пенсионеры. Всех их объединяла в прошлом самоотверженность, мужество и дух боевого братства во время военных действий на Халхин-Голе, напряженный труд на благо страны — в послевоенное время. И конечно же, огромный вклад в развитие дружественных связей между монгольским и российским народами — в течение всей своей жизни. Вот имена этих людей: БАЯНДАЛАЙ Сааралдай, ДОЛГОР Бат, ДОРЖ Хорло, ДУГАР Гунга, ДУЛАМ Тэгш-Еролт, ПУНЦАГ Шагдарсурэн, ХУНГУЦ Лувсандорж, ЦАГАН Дамдинжав, ЦОГТ Гэндэндаржа, ЧОЙНДОН Ганн-Очир.

Каждый из них — огромный пласт истории страны. Приведу материалы, подготовленные для российского Президента с указанием конкретных заслуг представленного к награждению **Пунцаго Шагдарсурэна**.

«Пунцаг Шагдарсурэн является одним из выдающихся политических деятелей Монголии в XX веке. Воинский путь начинал курсантом общевоинского училища, участвовал в боях на реке Халхин-Гол в качестве начальника штаба 17-го конного полка 6-й конной дивизии. Проявил героизм и отвагу. В 1945 году в должности помощника начальника Генерального штаба МНР воевал против Квантунской армии.

Оставил яркий след в истории монгольской дипломатии. Давний друг Советского Союза и России. Отстаивал незыблемость основ советско-монголь-

ского боевого и трудового братства, занимая высокие посты министра иностранных дел МНР и Посла МНР в ряде государств. Известный общественный деятель Монголии.

По мнению МИД России, Пунцаг Шагдарсурэн достоин награждения орденом Дружбы за большой вклад в укрепление российско-монгольской дружбы и боевого сотрудничества».

Комиссия по государственным наградам при Президенте Российской Федерации рассмотрела и поддержала это предложение о награждении. Поддержала и другие.

Несколько строк о награжденных.

**Баяндалай Сааралдай.** По образованию — учитель. Прямо из школы попал на войну на реке Халхин-Гол и отдал службе в армии 30 лет. Стал начальником секретной части 13-го конного полка 5-й конной дивизии. В 1945 году сражался с японской Квантунской армией. После службы в армии снова вернулся к педагогической работе.

**Дорж Хорло.** Общий стаж работы — 38 лет. Во время боев на Халхин-Голе спасала жизни монгольских солдат как медсестра 8-й конной дивизии. Потом работала в техникуме, возглавляла профсоюзный комитет Улан-Баторской трикотажной фабрики.

**Долгор Ват.** Десятилетним юношей сражался на Халхин-Голе. Сначала рядовым 1-го взвода 23-го полка 8-й дивизии. За героизм и храбрость был повышен в должности и к 1945 году уже замполитом роты воевал против Японии. Из армии не ушел, посвятив ей всю свою трудовую жизнь.

**Дугар Гунга.** Летчик, командир авиаполка, начальник отдела противовоздушной обороны Министерства обороны Монголии. На реке Халхин-Гол командир экипажа истребителя 1-го Баянтумэнского истребительского авиаполка.

**Дулам Тэгш-Еролт.** Общий стаж работы — 48 лет. На Халхин-Голе служил в госпитале в составе 6-й Тамсакской дивизии. Трудовую деятельность закончил заведующим делопроизводством Министерства транспорта страны.

**Хунгуц Лувсандорж.** Трудился 44 года. На Халхин-Голе воевал командиром роты 14-го полка 5-й конной дивизии. Уйдя в отставку, возглавлял сомон Дэлгэрхан.

**Цаган Дамдинжав.** 64 года жизни трудился, начав службу в армии с 15 лет. В боях на Халхин-Голе — начальник разведки 23-го конного полка 8-й конной дивизии. После окончания войны и до пенсии проработал в типографии обыкновенным линотипистом.

**Цогт Гэндэндаржа.** Почти полвека посвятил военной службе, из которых большую часть времени проработал военным врачом. В монгольской армии в боях на реке Халхин-Гол в 1939 году был рядовым. Был начальником лаборатории маршала Х. Чойбалсана.

По окончании войны работал военным врачом, широко известен по работе с руководителем Монголии 1950–1980-х годов Ю. Цеденбалом.

**Чойндон Ганн-Очир.** Сражался на реке Халхин-Гол в 1939 году курсантом общеобразовательного училища. В боях с японцами в 1945 году принимал участие в качестве командира взвода 6-й бронетанковой бригады. Оставив военную службу после завершения Второй мировой войны, находился на государственной и партийной работе.

Монгольский Президент Цахиагийн Элбэгдорж со своей стороны также наградил советских ветеранов — участников Халхингольского сражения.

Визит российского Президента в Монголию — сегодня уже история. И он накрепко привязан к исторической памяти обоих народов, к славной странице их прошлого — совместной победе на реке Халхин-Гол.

<sup>1</sup> Снесарев А. Е. Афганские уроки. М., 2003.

<sup>2</sup> Снесарев А. Е. Афганские уроки. М., 2003. С. 97, 94.

<sup>3</sup> Российский государственный военный архив (РГВА). Коллекция документов.

<sup>4</sup> РГВА. Коллекция документов.

<sup>5</sup> Советская власть здесь стремилась распространить свое влияние главным образом на кочевников; учитывалось также, что основное сословие в стране — это ламы.

<sup>6</sup> Манчжоу-Го — марионеточное государство, созданное Японией в 1932 г. на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и просуществовавшее до освобождения Маньчжурии советскими войсками.

<sup>7</sup> История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 42.

<sup>8</sup> Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 5, 6.

<sup>9</sup> Речь на съезде ВКП(б) В. К. Блюхера // XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): стенографический обзор. М., 1934.

<sup>10</sup> На документе поставлена рукой Ворошилова пометка: «Америки не вижу. Все те же отвлеченные „прожекты“ В. 23.XI.33 г.»

<sup>11</sup> РГВА. Коллекция документов.

<sup>12</sup> ЦАМО РФ. (АМО СССР). Ф. 1. Оп. 78424. Д. 8. Л. 100; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1960. Т. 1. С. 236; Василевский А. Дело всей жизни. Изд. 2-е, дополненное. М., 1975. С. 93.

<sup>13</sup> Ещенко В., Коротков Г. Крах «Плана Оцу» // Коммунист Вооруженных Сил. 1989. № 16. С. 85.

<sup>14</sup> В 1938 г. В. К. Блюхер, имевший уже к тому времени пять орденов Боевого Красного Знамени, был арестован в Бочаровом ручье, в Сочи, отправлен в Москву и репрессирован. (См.: Новая и новейшая история. 2004.)

- 15 Военно-исторический журнал. 1979. №8. С. 47–49.
- 16 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969.
- 17 Третья сессия Верховного Совета СССР. 25–31 мая 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 475.
- 18 Военно-исторический журнал. 1979. №8. С. 47.
- 19 Жилин П. А. Развитие военного искусства в боях на Халхин-Голе / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981.
- 20 РГВА. Коллекция документов.
- 21 Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 100, 101.
- 22 Снесарев А. Е. Афганские уроки. С. 81, 79.
- 23 РГВА. Коллекция документов.
- 24 РГВА. Коллекция документов.
- 25 РГВА. Коллекция документов.
- 26 РГВА. Коллекция документов.
- 27 Hearings before the joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack. Pt. 20. Washington, 1946. P. 4145; Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 2. С. 239.
- 28 Hearings before the joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack. Pt. 20. Washington, 1946. P. 4177–4178.
- 29 Там же; Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 2.
- 30 Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Third Series, Vol. 9. London, 1955. P. 279.
- 31 РГВА. Коллекция документов.
- 32 РГВА. Коллекция документов.
- 33 РГВА. Коллекция документов.
- 34 РГВА. Коллекция документов.
- 35 Родина. 2004, № 1. С. 34.
- 36 Снесарев А. Е. Афганские уроки. М., 2003. С. 75.
- 37 ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. М., РОСПЭН, 2001. С. 646, 647, 657.
- 38 The Japanese Army 1931–1945. Oxford, 2002.
- 39 The Japanese Army 1931–1945. Oxford, 2002.
- 40 СССР предложил Японии заключение пакта о ненападении (Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 132, 133).
- 41 Снесарев А. Е. Афганские уроки. М., 2003. С. 79.
- 42 Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 281.
- 43 Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 304.
- 44 РГВА. Коллекция документов.
- 45 Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 333.
- 46 РГВА. Коллекция документов.
- 47 РГВА. Коллекция документов.
- 48 РГВА. Коллекция документов.
- 49 РГВА. Коллекция документов.
- 50 РГВА. Коллекция документов.
- 51 РГВА. Коллекция документов.
- 52 РГВА. Коллекция документов.
- 53 Счастье на штыках. Неизвестные документы российских архивов // Октябрь. 1993. № 11.
- 54 Такие даты приведены в документе.
- 55 Состав советского военного представительства в Японии: военный атташе А. И. Кук — 25.01.1931 г.; военно-морской атташе Болгов с 01.04.1930 г., помощник ВАТ — т. Панов — с 01.05.1930 г. Состав японского военно-дипломатического представительства в Москве: ВАТ — полковник Касахара, военно-морской атташе контр-адмирал Арима, помощник ВАТ капитан Ямаока, помощник морского атташе капитан-лейтенант Ямагуцци, секретарь ВАТ майор Танака.
- 56 Так в документе.
- 57 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 241. Л. 300–312.
- 58 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 241. Л. 300–312.
- 59 Из стажеров известны также имена Шарапова и Константинова. О том, как сложились судьбы этих офицеров РККА в японской армии и после возвращения в СССР, неизвестно. (РГВА. Коллекция документов).
- 60 РГВА. Коллекция документов.
- 61 РГВА. Коллекция документов. О реакции Тухачевского данными не располагаем.
- 62 РГВА. Коллекция документов.
- 63 РГВА. Коллекция документов.

- <sup>64</sup> РГВА. Коллекция документов.
- <sup>65</sup> РГВА. Коллекция документов.
- <sup>66</sup> Так в тексте.
- <sup>67</sup> РГВА. Коллекция документов.
- <sup>68</sup> Араки Садао — японский военный министр, генерал; Козловский — заместитель наркома иностранных дел. 2 июня 1933 г. Начальник IV управления Штаба РККА Берзин докладывал Ворошилову о том, что в военных кругах Японии отмечаются большие расхождения между группой «молодых военных» во главе с Араки и командованием оккупационной армии в Маньчжурии... Генерал Койсо считает, что Япония должна добиться возможности отсрочить столкновение с СССР, хотя бы временного пакта о ненападении. Араки продолжает оставаться на прежней своей позиции — более решительных действий вплоть до войны с СССР...
- <sup>69</sup> РГВА. Коллекция документов.
- <sup>70</sup> РГВА. Коллекция документов.
- <sup>71</sup> Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 106.
- <sup>72</sup> Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 106, 107. Протокол был подписан на 10 лет.
- <sup>73</sup> Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 125.
- <sup>74</sup> Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 281.
- <sup>75</sup> Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969.
- <sup>76</sup> История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1960. Т. 1. С. 230, 236; История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 215.
- <sup>77</sup> РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.
- <sup>78</sup> Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 418.
- <sup>79</sup> Правда. 1939 г. 29 июня; Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 420.
- <sup>80</sup> Действия 1-й армейской группы в Халхингольской операции (май — сентябрь 1939 г.). М., 1940. С. 10–11; История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 216.
- <sup>81</sup> Баргуты — жители Внутренней Монголии.
- <sup>82</sup> ЦАМО РФ (АМО СССР). Ф. 369. Оп. 108601. Д. 16. л. 44–46; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1960. Т. 1. С. 238.
- <sup>83</sup> ЦАМО РФ (АМО СССР). Ф. 369. Оп. 108601. Д. 16. л. 44–46; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1960. Т. 1. С. 238.
- <sup>84</sup> ЦАМО РФ (АМО СССР). Ф. 369. Оп. 108601. Д. 16. л. 56–57; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1960. Т. 1. С. 239.
- <sup>85</sup> История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1960. Т. 1. С. 239.
- <sup>86</sup> Жуков Г.К. Воспоминания и размышления, М., 1969. С. 159.
- <sup>87</sup> История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 216.
- <sup>88</sup> Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 423.
- <sup>89</sup> Известия. 1939. 23 июля; Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 423.
- <sup>90</sup> Так утверждали советские официальные сообщения. См.: Известия. 1939. 27 июля; Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 423.
- <sup>91</sup> РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 73. Л. 28–30; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 2. С. 240.
- <sup>92</sup> ЦАМО РФ (АМО СССР). Ф. 369. Оп. 108601. Д. 16. л. 28, 79; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 2. С. 240.
- <sup>93</sup> РГВА. Коллекция документов.
- <sup>94</sup> ЦАМО РФ (АМО СССР). Ф. 125. Оп. 112423. Д. 1263. Л. 1.
- <sup>95</sup> См. схему боевых действий на сайте <http://bibliotekar.ru/halhin-gol/15htm>.
- <sup>96</sup> История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 219.
- <sup>97</sup> История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 217.
- <sup>98</sup> ИВИ (Институт военной истории). Документы и материалы. Инв. № 6377. Л. 388–389, 396.
- <sup>99</sup> Новиков М.В. Победа на Халхин-Голе. М., 1971. С. 98.
- <sup>100</sup> Жилин П.А. Развитие военного искусства в боях на Халхин-Голе / Победа на реке Халхин-Гол, М., 1981. С. 21.
- <sup>101</sup> Панов Б.В. Совершенствование организации и управления советских войск на основе опыта боев на Халхин-Голе // Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 63.
- <sup>102</sup> Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 176.
- <sup>103</sup> История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 217.
- <sup>104</sup> Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 82.
- <sup>105</sup> Панов Б. В. Совершенствование организации и управления советских войск на основе опыта боев на Халхин-Голе / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 63.

- 106 Лапчинский А. Н. Воздушные силы в бою и операции. М., 1932. С. 42.
- 107 РГВА. Коллекция документов.
- 108 Сладковский М. И. Знакомство с Китаем и китайцами. М., 1984. С. 374.
- 109 С октября 1940 г. началась серийная сборка истребителей «И-16», с годовым планом 300 машин. См.: Петров В. И. Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян. Краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003. С. 386.
- 110 Эта информация за подписью заместителя начальника Разведывательного управления Штаба РККА старшего майора госбезопасности Гендина была направлена наркомому обороны К.Е. Ворошилову (см.: РГВА. Коллекция документов).
- 111 РГВА. Коллекция документов.
- 112 Иванов, учитывая также китайский опыт, полученный советскими летчиками, предупреждал о том, что японцы против авиации применяют ядовитые дымы и химические снаряды. Советской стороной в Китай были посланы образцы дымшашек и химснарядов (РГВА. Коллекция документов).
- 113 РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 37. Л. 72–73.
- 114 История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 216; История Военно-Воздушных Сил. М., 1954. С. 334–335.
- 115 С ноября 1939 г. занимал высшие руководящие должности в системе органов военного управления ВВС. С декабря 1940 — помощник начальника Генштаба по авиации. Генерал-лейтенант авиации (1940). Дважды Герой Советского Союза (1937, 1939). Награжден двумя орденами, медалью, иностранным орденом. Репрессирован и 18.10.1941 г. расстрелян. См.: Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г.
- 116 Авиация и космонавтика СССР. М., 1969. С. 71.
- 117 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 155.
- 118 Авиация и космонавтика СССР. М., 1969. С. 71.
- 119 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 155.
- 120 Новиков М. В. Победа на Халхин-Голе. М., 1971. С. 81–83, 97, 108.
- 121 Авиация и космонавтика СССР. М. 1969. С. 72, 73.
- 122 История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 212.
- 123 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 156.
- 124 Шестерин Ф. И. Роль и место советской авиации в разгроме японских войск на реке Халхин-Гол / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 98.
- 125 Побратимы Халхин-Гола М.. 1979. С. 275.
- 126 Боевые действия авиации в Монгольской Народной Республике. М., 1940. С. 57.
- 127 Боевые действия авиации в Монгольской Народной Республике. М., 1940. С. 54.
- 128 Авиация и космонавтика СССР. М., 1969. С. 73.
- 129 Новиков М. В. Значение боевых действий на реке Халхин-Гол для развития советской военной техники / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 108–111.
- 130 Известия. 1940 г. 10 июля.
- 131 Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 177.
- 132 РГАСПИ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 45. Л. 31; Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 194.
- 133 РГАСПИ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 45. Л. 31; Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М.: ОЛМАПРЕСС, 1999. С. 194; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 454.
- 134 Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 98.
- 135 РГАСПИ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 7. Л. 7; Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 98.
- 136 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 126. Л. 48.
- 137 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 126. Л. 1.
- 138 Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 560; Правда. 1935 г. 10 июля.
- 139 Правда. 1935. 9 декабря.
- 140 Правда. 1935. 4 декабря; Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 573.
- 141 Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 575, 576.
- 142 Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 106.
- 143 Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV.
- 144 Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 106; Протокол был подписан на 10 лет (Там же. С. 107).
- 145 Бабин А.И. Укрепление советско-монгольского содружества в боях на р. Халхин-Гол и его развитие в годы Великой Отечественной войны / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 34.
- 146 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 3-е изд., М., 1978. Т. 1. С. 170.
- 147 Цеденбал Ю. Избранные статьи и речи. 1941–1958 гг. М., 1962. С. 317–318.
- 148 Плотников Г. К. Монгольская Народная армия. М., 1971. С. 50, 51.
- 149 РГВА. Коллекция документов.

- 150 Новиков М. В. Подвиг на Халхин-Голе. М., 1971. С. 43, 47.
- 151 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 3-е изд., М., 1978.
- 152 РГВА. Коллекция документов.
- 153 РГВА. Коллекция документов.
- 154 Жилин П.А. Развитие военного искусства в боях на Халхин-Голе / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981.
- 155 Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 71.
- 156 Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 75.
- 157 История отечественной артиллерии. М., Л., 1964. Т. 3. Кн. 8. С. 495–535; Желанов В.Н. Советская артиллерия в боях и операциях. М., 1965.
- 158 Новиков М. В. Значение боевых действий на реке Халхин-Гол для развития советской военной техники / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 112, 113, 114; Вопросы истории. 1969. № 1. С. 124.
- 159 Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 75.
- 160 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 159.
- 161 Панов Б.В. Совершенствование организации и управления советских войск на основе опыта боев на Халхин-Голе / Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 120.
- 162 Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. М., 1989. Кн. II. Ч. 1. С. 115.
- 163 Секретариат ИККИ рекомендовал для успеха дела распространять труды Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина и особенно «Краткий курс истории ВКП(б)» / См.: ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. М., РОСПЭН, 2001.
- 164 Правда. 1939. 21 июня.
- 165 Известия. 1939. 14 августа.
- 166 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 386. Л. 55–56. Копия.
- 167 Известия. 1939. 20 августа.
- 168 Известия. 1939. 14 сентября.
- 169 Известия. 1939. 16 сентября.
- 170 Известия. 1939. 20 ноября; Известия. 1939. 28 декабря.
- 171 Известия. 1940. 9 января. Десятое заседание Смешанной Комиссии состоялось 10 января 1940 г. в Харбине, в отеле «Ямато».
- 172 Известия. 1940. 1 февраля.
- 173 Известия. 1940. 20 апреля.
- 174 Известия. 1940. 10 июня.
- 175 Известия. 1940. 7 сентября.
- 176 Известия. 1940. 19 октября; Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935 июнь 1941 г.). М., 1946. Т. IV. С. 531.
- 177 Известия. 1940. 15 ноября.
- 178 Известия. 1940. 16 ноября.
- 179 РГВА. Коллекция документов.
- 180 РГВА. Коллекция документов.
- 181 Известия. 1941. 17 июня.
- 182 Снесарев А.Е. Афганские уроки. М., 2003. С. 99.
- 183 Проф. Х. Эйдуз Япония от первой до второй мировой войны. М.: ОГИЗ. Госполитиздат. 1946 г. С. 173.